

Иан Таннуш

ЧУДО

Иан Таннуш

Чудо

«Автор»

2026

Таннуш И.

Чудо / И. Таннуш — «Автор», 2026

Всё своё детство Глеб провёл в статусе «чудесного ребёнка», ведь он появился на свет и выжил в ночь, когда остальные новорождённые умирали. Всё бы ничего, вот только спустя пятнадцать лет чудовище, устроившее ужасную расправу над детьми, решило закончить начатое дело. Первая книга серии «Дети комет».

© Таннуш И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иан Таннуш

Чудо

Пролог

Удар пришёлся меж лопаток. Отличный глазомер, с таким только пытаться.

— Хватит сутулиться! — отодвинула мама тарелку с тортом.

Мы сидели за праздничным столом. Мы — это я, папа и мама, а праздником можно назвать мой день рождения. Лично я его таковым не считал, пока не добирался до сладостей.

— Давным-давно, — продолжила она. — Лет пять назад...

Я подскочил, ведь мне было как раз пять лет.

— Давным-давно, — повысила она голос, и я присмирел, — лет пять назад, за тридевять земель в забытом царстве-государстве проснулось Зло. Разбудили его противные колдуньи, которые только и умели, что вредить да пакостить. Потянулось Зло, зевнуло, — она широко открыла рот и вскинула руки, она и сама так обычно потягивается. — Не успело оно поднять свои огромные веки, как захотелось ему людям плохо сделать.

— Почему?

— Потому что оно Зло. Для злых поступков нет ни причины, ни оправдания, — она наклонилась ко мне. — Ты понял? Нельзя делать плохо! — Теперь она смотрела мне в глаза. — Тебя любить никто не будет, как это самое Зло.

За маминым плечом, на стене, плясала четвертая тень, чуть темнее наших. Её хозяин сидел не за столом, как полагается вежливым гостям, а на полу. Мальчик поправил сползавшую маску и медленно наклонил голову к одному плечу, потом к другому, и ещё раз. «Ой-ой-ой, — передразнивал он. — Никто не будет! Ой-ой-ой! Вот так беда!»

— Что там? — Мама оглянулась, но никого не увидела. Он такой, появляется где и когда захочет. А мама слишком медлительная, чтобы поймать его. И слишком глухая, чтобы слышать, что он рядом. — И накрыло Зло весь земной шар тьмой да так, что человек ничего не видел дальше собственного носа, — говорила она, а меня отвлекали старые часы в прихожей.

Они напряжённо тикали, отсчитывая секунду за секундой. Я прикрыл одно ухо ладонью, второе не трогал, чтобы мама не решила, что я дурачусь, и не заругалась.

— Ему было мало ужаса, который он устроил... — Кажется, дело подходило к главному, и я скорчил рожицу понимания. Звуков стало больше — в комнату над нами пришёл глухой стук. У родителей он тоже был, прямо в груди. И я так умел, правда, у меня — как и у моего тайного гостя — он получался немного другим. Сегодня слышал его впервые, и он понравился сильнее тиканья и болтовни, потому на нём я и сосредоточился. Тот, что настойчиво лез в мои уши с потолка, куда-то торопился. — ...Но что это? — Мама указала на люстру.

Я задрал голову, хотя и знал, что там ничего не будет.

Гость появился за спиной мамы и развёл руки, разыгрывая нападение. Я захихикал, и он приложил указательный палец к нарисованному рту.

Мои натужные попытки сдержаться разозлили маму.

— Да что такое! — она вздрогнула и обернулась, но того, кто меня рассмешил, снова не увидела. — Прекрати! Немедленно, понял?! Ещё раз — и торта не получишь! — вернула она порядок за столом. Папа перестал задумчиво тыкать вилкой в салат и на автомате погрозил мне пальцем. — Ты понимаешь, почему я тебе об этом рассказываю? Не дурачок же, верно? Да не вертись! Это важно...

В квартире над нами что-то грохнулось.

На праздничный стол опустилось безмолвие. Тонкую работу старых часов теперь уловили и родители, а вот полюбившийся мне стук сверху пропал.

— Больше не стучит.

— Что не стучит? — затеребила мама верхнюю пуговицу халата. Я пожал плечами и полез к тарту. Если так продолжится, то и до завтра его не попробую. — Пойдём узнаем, что он так расшумелся. — По пути в прихожую она легонько толкнула отца в плечо. — Ребёнка у нас перепугал!

Папа поплёлся за ней, так и не выпустив вилку из руки. Я же притянул кусок торта поближе к себе. И конфеты, и печенье. Штанину потянуло вниз. Отпустило. Снова потянуло. Я взял тарелку, на которой оставалось пюре, положил на неё немного торта и, приподняв скатерть, сунул угощение под стол. Мой гость, имя которого я так и не запомнил, пусть виделись мы не раз — уж больно оно было странным, я к таким не привык, — сидел на полу и покачивался.

— С днём рождения нас! — запел он, хватая кусок костлявыми пальцами.

Глава 1

— Чудо, — ведущая замолкла. Пауза затянулась, и я оторвался от завтрака, чтобы проверить, всё ли в порядке с телевизором. Взгляд с экрана упал на меня камнем. Стало неловко, точно она сидит передо мной и ждёт реакции на наш утренний «разговор». — Чудо, — повторила ведущая. — Комета, которая заставила поверить всё население Земли в волшебство. Как известно...

Знакомое сопение донеслось до кухни раньше обычного на целых — я с мольбой посмотрел на часы — двадцать семь минут. Ребёнок в соседней квартире две недели как просыпался, выдавая из себя эти звуки. Слушать их было настоящей пыткой, так что я начал жевать бутерброд быстрее.

— Сегодня вечером наш канал, — продолжала ведущая, — покажет документальный фильм, приготовленный к годовщине необъяснимого явления. Вот некоторые отрывки.

— Все... — сообщила со слезами на глазах акушерка. — Все умирали... Вот прямо с первым вздохом сердечко и останавливалось! — *вид больничных коридоров*. — Все, кто в эти часы родились у нас в больнице... Господи боже мой! Несчастные-то крохотулечки!

— Такие аномалии не встречались в истории, — разглагольствовал иностранный учёный. — И что самое страшное — до сих пор этот ужас остаётся загадкой. Не представляю, что нам делать, если он повторится.

— У нас как раз середка ночи была, — объяснял фермер. — Она пролетела во-он там! — Он начертил пальцем дугу в звёздном небе. — Красивая такая! С ярким хвостом! Я ж тогда не знал, что увидел на самом деле!

— Я фокусы умею делать, — засмеялась девушка. Внизу показалась подпись: «*Малиша Сведоч. Одна из выживших*».

Она повернулась спиной к камере и поманила пальцем, приглашая следовать за ней. Малиша вышла на улицу, в два прыжка преодолела ступеньки, остановилась в саду, рядом с кустами роз, и снова позволила любоваться своим веснушчатым личиком. Она развела руки в стороны и встряхнула ими. Из плеч опустилось несколько таких же рук. Она покрутила ими, затем взмахнула, и они сложились обратно. Похожий трюк она проделала с ногой.

— Как у тебя это получается? — удивился корреспондент.

— Хороший фокусник своих секретов не выдаёт.

Сопения ребёнка зазвучали отчётливее.

— Шестнадцать лет назад, в ту самую Ужасную Ночь, — никак не хотела угомониться ведущая, — умирали все новорождённые. Однако в секунды, когда Чудо показалась на небе, семеро детей сумели избежать несчастной участи. Реальный случай, о котором написано множество книг. По мотивам одной из них, бестселлеру Кэтти Гранд, завтра наш канал покажет самую ожидаемую экранизацию этого года — «Дети комет». В фильме семеро выживших после Ужасной Ночи подростков получают силы от пролетающей мимо кометы и пытаются спасти землю от пробудившегося зла.

Для подогрева любопытства пустили трейлер. Промелькнули две миленькие и стройные блондинки и мальчиговатая брюнетка. Гордые позы, развивающиеся волосы — полный набор настоящей героини. Затем показались парни — все удалыцы, как на подбор. Интересно, кем из них предположительно являюсь я? Может, тот высокий брюнет с широкой челюстью? Или мускулистый голубоглазик? Азиатом я бы себя не назвал. Впрочем, как и тем темнокожим парнем... Динь-динь. Огласите ваш вариант, пожалуйста! Я выбираю пятый. Никто. Никто из них! Не стоит ждать, что я схвачу девицу и понесусь прочь от дома, который взорвал, как это делал сейчас один из героев фильма. И вот он — страстный поцелуй на фоне спасённого, но

разрушенного Нью-Йорка. Ну да, не моего же городка. Он даже на карте не отмечен. Какой смысл его разрушать?

Ребёнок разревелся. Следом за его воем в голову вломились гул машин, шипение телевизоров, бесчисленные голоса.

— Ма-ам! — прикрыл я уши.

Шум разрастался и давил на череп. Казалось, кто-то включил сотни радиоприёмников на разные станции и заставил слушать их на полной громкости.

— Бегу! Бегу! — появилась она на кухне. — Вот! Держи! Почистила! — Ушам передалась прохлада вставленных жучков. Шумы поутихли, но не исчезли — слуховой аппарат начинал подводить. Нужно было постараться, чтобы услышать то, что я хотел. — Позвоню в больницу и запишу тебя, — сказала мама.

Роль пессимиста в нашей семье отводилась мне, и я прекрасно с ней справлялся:

— Врач ничего дельного не скажет. Предложит заказать новый. Из года в год одно и то же. Легче сразу заказать. И ехать далеко. Почему не пойти в ту больницу, где ты работаешь?

— Не умничай! У нас знать не знают, что за «жучки» тебе нужны. Глаза на лоб всякий раз, как разговор о них заходит, лезут. И провериться тебе надо, а то слуховой аппарат раньше обычного менять приходится. Или с качеством беда? Не знаю... О боже! — попался ей на глаза повтор с Малишей Сведоч. — Только глянь, как обезьянничает! Нам тоже в этом году предлагали. Я сказала, что тебе некогда перед камерами кривляться. Ох! Сколько времени! Я не смогу тебя сегодня подвезти. Сам доберёшься?

— А папа?

— Ушёл пораньше, пока я возилась с твоим аппаратом, так сказать, под шумок. Не забудь! Сперва исторический кружок. Потом бассейн...

— ... английский и алгебра, — поднялся я из-за стола и схватился за рюкзак.

— Прекрати бубнить! И не сутулься. Ну? Таблетки не забыл принять?

Я достал из рюкзака два пузырька и тряхнул их по привычке — почти пустые. В этот раз мама не причитала, лишь помотала головой и налила стакан воды.

— Запивай быстрее! Глаз да глаз за тобой нужен. Или хочешь, чтобы тебя все сумасшедшим считали?

— Век теперь припоминать будешь? Слышала бы ты, что я слышу, — указал я на ухо для наглядности и вернул маме пустой стакан, — не такое бы запела!

Не успел я переступить через порог, как наткнулся на соседку.

— Хорошо ли спалось?

Её любимый вопрос, а всё потому, что мама верила в страшилки про плохую ауру в нашем доме. Мол, оттого-то и кошмары часто снятся и дела не делаются. Плач ребёнка раздавался из её квартиры. Жаль, что он не сделал старуху более занятой и менее любопытной.

Если признаюсь, что плохо, она начнёт предлагать снадобья и заговоры, не отцепишься. Потому прозвучал давно заученный ответ:

— Хорошо, баба Вера.

Уже во дворе я надел поверх слухового аппарата наушники. «Прослушивание музыки с высокой громкостью в течение длительного времени может вызывать проблемы со слухом» предупредил телефон. Отлично! Двойную порцию, пожалуйста!

Песня заиграла, и мне стало легче. Теперь аппарату не нужно было выделять ближние звуки. Он полностью сосредоточился на музыке и не трещал.

«В конце двухтысячных годов, — повторял я в уме события, заданные на сегодня, — состоялось несколько встреч и большинство передовых стран заявило, что наконец оправилось от последствий болезни Хоспеса, в народе прозванной болезнью сна. Многие государственные деятели заявили, что не позволят подобному повториться, однако причины «чумы двадцать первого века», унёсшей жизни трети населения Земли, до сих пор не раскрыты».

По спине ни с того ни сего пошли мурашки. Тёплое утро провалилось в холод ночи. Я не должен был, но услышал — словно это способность уже не ушей, а всего тела, — как за спиной меня нагоняет ветер. Туча медленно застилала солнце, отбрасывая чёрную тень на землю. Неприятное срачивание ветра и темноты ощущалось кожей. Не просто капризы погоды, а огромное, способное заглотить жертву целиком существо. Деревья начали громко шуршать, и чем ближе было их шипение, тем больше оно напоминало слова.

— Отдай... — Жучки в ушах затрещали, пожирая и музыку, и обрывки фраз. — Отдай мне... Отдай её мне!

Вязкая тень затопила улицу.

Ветер ударил в спину мусором с обочины.

— ...наступающим днём рождения, — протягивал руку прохожий. Я пожал её, хотя мелкая дрожь ещё не отпустила, да и голос его мешался с прочим гомоном. — Чуда в твою жизнь!

— И в вашу.

— Уже-уже, чудо-ребёнка ведь не каждый день на улице встретишь. Семь лет удачи мне теперь. Семь лет! Можно фото с тобой? Если скажу своим, не поверят! Сейчас, всего секундочку! Камеру на телефоне настрою... Вот и всё! Спасибо!

Я кивнул на прощание, не понимая, в какую сторону он пошёл, а сам не двинулся с места, пока знакомая мелодия в наушниках не стала единственным, что я слышал.

Домой я вернулся к вечеру, засветло, еле ноги доволок. Занятия закончились раньше — сегодня фонари не зажигались, весь город собирался ждать появления мистической кометы в темноте. На двери в мою комнату висели плакаты: «Осторожно! Вы входите в зону днерождественских чудес!» и «Чудо №1» — под вторым поблёскивало приклеенное скотчем карманное зеркало.

Письменный стол был завален фломастерами, цветными ручками и листами с неудавшимися поздравлениями. Я прибрал их и заодно поправил учебники. Фигурка на книжной полке стояла неровно, а значит, родители успели порыться и там, однако поставили вещи на свои места. И на том спасибо.

Я наконец повалился на кровать, спихивая рюкзак с плеч.

— Люди уже выходят... Спать собрался? А как же Чудо? — заглянул папа. — Не пойдёшь? — и добавил с досадой: — Ну, ладно-ладно.

Когда время перевалило за полночь, я проснулся оттого, что не мог дышать. На грудь давило — кто-то на ней сидел. Кое-как я разлепил глаза и в свете луны увидел размазанный силуэт. Он хрипел, ему самому не хватало воздуха, и сильнее наваливался на меня: «Отдай! Отдай! Отдай её...»

Соседский ребёнок разразился диким плачем, и я вдруг подумал, раз стараюсь дышать, значит, живой. Тварь же заохала, будто получила обухом по башке, скатилась с груди и растворилась в душной комнате. Я лежал в оцепенении и смотрел наверх, в темноту, пока плач не стих и над крышами домов не расстелился красновато-жёлтый туман рассветного солнца.

Утро настало обычное. Позвонила тётушка с поздравлениями. Их у меня, этих тётушек, девять штук и ещё четыре дядюшки. От каждого я получаю внимание в свой день рождения. От некоторых даже чрезмерное. «С днём Чуда и днём рождения! Приезжай ко мне как-нибудь в гости, Глеб, — завела любимую шарманку тётя Альбина. — А то в моём интернет-магазине дела совсем не идут. Покажи, что я правда родня тебе и продаю «чудесные» вещи». Если что, ко мне они никакого отношения не имеют, хотя в слогане её магазина и заявлено обратное. Я поблагодарил и услышал уведомление о том, что на карту пришла некая сумма. Затем я встал, умылся и пошёл на кухню, считая по пути дверные косяки. На столе ждал завтрак, и там же к сахарнице прижимался конверт, на котором мама красивым почерком вывела:

Глеб, прости! Срочный вызов. Встретимся вечером.

Деньги незамедлительно отправились в карман, конверт — полетел в мусорное ведро.

Кроме меня, телевизор на кухне никто не смотрел, потому пульт был там, где я его вчера и оставил, на табуретке. Заполучить его, не вставая с места, не удалось, хотя губы упорно шептали: «Акцио, лентяйка!» Что ж, пара неловких телодвижений — и я смотрю новости, проглатывая поджаренное яйцо.

— Ещё недавно мы любовались её прекрасной улыбкой, — заявила ведущая. — До сих пор неизвестно, что же произошло на самом деле. С места событий наш корреспондент.

— Ничего пока точно сказать не можем, — сообщил полицейский в камеру.

— А подозреваемые есть?

— Нет.

— Стояло раннее утро, — крупный план журналиста. На заднем фоне хорошо проглядывался ухоженный домик, на крыльце которого с красными от слёз лицами застыли мужчина и женщина. — В полицию поступил звонок. Супруги Сведоч сообщили о смерти своей единственной дочери, Малиши. Никаких улик, никаких следов. Окна закрыты, двери тоже. Никаких отпечатков, признаков насилия. Девушка скончалась от остановки сердца. Как сказали родители, когда её нашли, Малиша лежала в кровати с широко раскрытыми глазами. Причин для инфаркта не было. Судя по медицинским обследованиям, которые Малиша проходила каждый год, на здоровье она не жаловалась. Что же это такое? Случайность? Или очередная тайна?

— Печально, — перехватила эстафету ведущая. — А сейчас реклама. Не переключайтесь.

«Если кашель достаёт...», и я переключил канал. Стыдно. Зачем тогда согласился в ней сняться? Теперь спокойно телевизор не посмотреть. «Чудо-ребёнок рекомендует» — и палец вверх. Но я хоть и родился под счастливой кометой, навряд ли имел право рекомендовать то, чем ни разу в жизни не пользовался.

«Труп босоногой женщины найден...» — заговорили местные новости. Я выключил и их.

По своему обыкновению баба Вера стояла на лестничной площадке. Не хотелось бы превозносить себя, но встреча со мной, несомненно, была одним из первых пунктов в списке её дел, если таковой имелся.

— Как спалось?

— Хорошо.

— Врёшь! — Старуха зачмокала и прищурилась. — Помятый весь какой-то! Больше, чем всегда.

Я мешкал, но всё же решил пожаловаться:

— Ваш внук — или кто он там вам? — не даёт мне покоя. Разревелся сегодня посередине ночи. Разбудил. После него долго проворочался. — Старуха приподняла брови и перестала издавать ртом раздражающие звуки. — Извините, мне пора.

Ещё один такой же, как и множество до него, день должен был растянуться, подобно размякшей на солнце жвачке, которая прилипла к подошве, однако к обеду позвонила мама и потребовала вернуться домой.

— Ты слышал, что случилось с Малишей Сведоч? — с порога накинулась она. — Ну конечно, слышал! Почему ушёл так запросто?

— Мам, сжался. Подумаешь, умерла. Она тоже человек...

— Ты что такое несёшь?! Следи за языком! — немного остыв, она добавила: — А вдруг это какая-нибудь болезнь, которая распространяется только на чудо-детей?

— Не называй это так, я же просил.

— Все называют, а мне нельзя? Ты вообще знаешь других чудо-детей? В смысле, можешь с кем-нибудь из них связаться? Вдруг что приключилось, а мы сидим и в ус не дуем. Нужно срочно всё разведать!

— Не нужно, — стянул я ботинки, поняв, что никуда сегодня больше не пойду, и бросил к ним рюкзак. — Не накручивай себя. Уверен, случись беда с кем-то из тех детей, все бы уже на ушах стояли.

Дома заняться было нечем, даже сон не шёл.

Тик-так. Тик-так. Всё те же старые часы в прихожей. Вот бы их выкинуть.

Гррр — моторы проезжающих машин.

«Смерть чудесного ребёнка...» — соседи смотрят новости.

Жжж — муха залетела в комнату.

Кап. Кап. Мама умывалась, чтобы согнать волнение, и плохо закрутила кран.

Я спрятал голову под подушку. Никаких изменений, конечно же. По-прежнему прекрасно слышно. Однако скрип был чем-то новеньким. Хотя бы потому что доносился он из-под кровати.

Свесившись на край, я увидел коробку. Очередной подарок от родителей, а ведь я просил обходиться наличными. И деньги уже у меня, так что выжил бы и без бонусов «за примерное поведение и выдающиеся заслуги», как предупреждало накарябанное сообщение. Сама коробка была обыкновенной, слегка потрёпанной, но это не объясняло, почему она не попала на глаза раньше.

Я попытался её вытащить. Она не поддавалась. На вид не тяжёлая — тут явно какой-то подвох. Я сел на пол, рассмотрел её получше и схватил за расхлябанные бока. Коробка двинулась под моим напором, но секундой позднее отползла на прежнее место.

Руки потяжелели, и по запястьям пополз холод. Не успел я опомниться, как полетел вперёд и едва не впечатался лбом в край кровати.

Биение собственного сердца.

Дыханье под кроватью.

— Не пытайся бежать, братец, — прозвучало, как и не отсюда вовсе. — Ты же знаешь! Пока у тебя есть тень, я всегда смогу до тебя добраться.

Не помню, вроде бы я закричал.

Глава 2

Папа распластался на полу и шарил рукой под кроватью.

В комнату до его появления я не совался и маму тоже не пускал. Сейчас же смелости прибавилось. И уверенности в том, что в дом пробрались. Второй этаж — не десятый, залезть недолго. Даже если взломщик успел скрыться, пока мы метались по кухне, лихорадочно соображая, что делать, какие-то его следы должны были остаться. Тем не менее самому проверять не хотелось. Как и верить в то, что правильно расслышал его последнюю фразу.

— Ну... — Папа поднялся на колени и пожал плечами. — Никого, — а потом добавил нараспев: — *Чёрный человек, Чёрный, чёрный...*

— Прекращай, — одёрнула его мама. — Это я виновата, — она перестала теревить рукав накрахмаленной блузки и погладила меня по спине. — Не надо было так резко реагировать на новости.

— Он был. Он схватил меня. Смотрите, — я показал руки, но покраснения на запястьях уже исчезли.

— И не стыдно тебе до сих пор в монстров под кроватью верить? — улыбнулся папа. — Что за подозрительно несвойственная этой скучной комнате вещь? — кивнул он в сторону коробки.

— Вам виднее, — шёпотом заговорил я.

Слишком старался доказать свою правоту, вот и посадил голос.

— С чего бы это? — Он раскрыл картонку и начал рыться в бумагах. — Всё, что вижу я, это непонятные закорючки. Посылка из-за границы? Когда успел обзавестись друзьями? Папки какие-то... Постой-ка! Это разве не чудесные дети? Так ты интересуешься ими?

— Зачем мне? — рванул я к коробке.

Мама выловила меня за руку и вынудила посмотреть ей в глаза.

— Тебе любопытно, — сказала она. — Это здорово! Это — боже ты мой! — нормально! Но почему скрываешь это от нас?

— Не моя она! — Оправдываться не хотелось, а пришлось. — Впервые её сегодня увидел. Она появилась возле кровати, не знаю, сама собой. — Не очень получилось, потому что мама глядела осуждающе. Затем на её лице отобразилась тревога, и я сдался: — У меня же слуховой аппарат сломан. Постоянно барахлит. Из-за того, что слышу всякий бред, я на нервах. Простите. Наверно, померещилось. Нет ничего такого. Закажем новый прибор, и всё наладится.

Мама покосилась на коробку.

— Не то чтобы интересуюсь... — начал я.

— Всё хорошо. Отстань ты от ребёнка, — швырнул документы обратно в коробку папа. — Притворимся, что всё так и осталось в секрете, если ему будет от этого легче.

— Не надо... — запротестовал я, и зря — в комнате уже никого, кроме меня, не было. — Так мне можно идти на курсы?

— Дома сиди! — отозвалась мама.

Я бухнулся на стул и, облокотившись на письменный стол, уставился в окно.

От крыши к крыше скакали тучи, не такие огромные, как накануне, зато тёмные и упитанные. Город всё ждал, притих, а они никак не проливали дождь и не устраивали грозу, хотя дамочка из прогноза погоды уверяла о приближающемся шторме.

Мой взгляд перекочивал с нервозных туч на коробку, к окну и снова — на коробку.

Немного успокоившись, я подцепил её ногой, притянул поближе и покопался.

Только папки.

Я открыл первую попавшуюся.

«Малиша Сведоч, — говорилось в документах. — Фотографии прилагаются. — Я не стал их трогать. И так знал, как она выглядела. С детства участвовала во всех возможных передачах и снялась в сериале, который долго обсуждался среди любителей чудесных детей. — Кодовое имя: Сороконожка...»

За спиной послышалось шуршание. Так выдаёт своего владельца одежда, когда он движется мерно, спокойно, может быть, крадётся, но недостаточно мастерски, чтобы слиться с фоновыми звуками.

Совсем близко.

Два шага.

Шаг.

Я обернулся.

Мама ворвалась в комнату, прижимая к груди мешочки, размером с мизинец. Она раскидала их по углам, бросила несколько под кровать и положила парочку у двери и на подоконник.

— Что это? — Я тихонько закрыл папку и смахнул её со стола в коробку.

— Рассказала бабе Вере о твоём припадке. Вот она и посоветовала, — мама улыбнулась, приметив мои попытки спрятать недавнее чтиво. Ничего-то от неё не утаить. — Смесь трав, которая успокаивает, а заодно и плохую ауру рассеивает. — Она отошла к двери, и в её полных тревоги глазах отразилась вся моя комната. И я тоже, как главная фигура сомнительного шаманского обряда. — Ничто дурное не войдёт, хотя и не выйдет тоже. Но у нас ведь ничего плохого нет.

— Мама, — стало за неё стыдно.

— Чего рожки корчишь? Ну, папахивают не очень... Не смей их убирать! Она смогла дать только эти. — Мама недобро уставилась на плакаты. Давно просила их снять, а я притворялся, что не слышал, как бы странно это не звучало. — У неё сейчас священник, так что я не стала сильно докучать.

— Что случилось?

Я спросил из вежливости, но она оживилась:

— Помнишь её внучку с ребёнком? Она ещё хвасталась, что они к ней приехать скоро должны? — Я кивнул. Как тут забудешь — по ночам и утрам такой вой стоит! Она прошла к полке и, внимательно изучив книги, взяла анатомический атлас. — Они попали в аварию пару недель назад, когда ехали к ней, и погибли, — её привлекла страница с изображением уха. — Баба Вера считает, что они не упокоились и помощи просят, вот и решила священника позвать. Тебе плохо? — глянула она исподлобья. — Ты побледнел.

— Всё нормально, — напрягся я. — У неё гостит кто-то другой?

— Нет, — она поставила книгу на место. — Одна живёт. А ей ведь кого-нибудь надо. Старая же совсем! — Мама достала из кармана пузырьки с таблетками, помахала ими передо мной и поставила на тумбочку у кровати. — Зачем носишь с собой? Они почти пустые. — Ладони сами, без моего веления, прислонились к ушам и покрепче на них надавили. Это был другой ребёнок. Из другой квартиры. Я же не вслушивался особо, где он плачет. — Послала папу за новыми. Сам ты, видимо, здоровым быть не хочешь. — *Он был недалеко. Похоже, что у бабы Веры, но теперь ясно, что нет.* Надо бы перед ней извиниться за последний разговор. — Опять сутулишься? Прекращай! — она хлопнула меня по спине.

Мама проверила, везде ли разложила свои копёнки сена, и с победоносным выражением лица удалилась из комнаты. Я поспешил запереть за ней.

В руках снова оказалась папка.

После кодового имени сообщалась дата рождения, из которой следовало, что Малиша действительно была «чудесным» ребёнком. Место жительства: Сплит. Имелись родители, оба живы. В графе брата/сестры — жирный прочерк.

Я полистал следующую папку.

«Корнелия Прасковская. Фотографии прилагаются».

Я рассмотрел снимок, прицепленный скрепкой к одной из бумаг. Красные волосы тянулись вниз, куда-то за пределы фотографии. Яркие губы искривились, предупреждая о скором крике. Глаза карамельного цвета гневно пожирали фотографа. Стопочка снимков не впечатлила, и я продолжил чтение.

«Кодовое имя: Королева Крика».

Дата рождения та же. Место жительства: бродячий цирк. В графе братья/сёстры — прочерк.

До третьей папки дело не дошло — в окно врезался камень. За ним второй, угодил в раму. Я полез к окну, но выглянуть на улицу не успел — в дверь постучали. Уже шёл открывать, когда в неё постучали снова, более навязчиво, чем требовалось.

— Что у тебя там за шум? — прокричала из кухни мама. В дверь забарабанили, задёргалась ручка. — Глеб? — Шум у двери внезапно угас, и в щель между ней и полом проскользнула записка. «Выйди а то кто та пострадает». — Глеб? — мама тихонько постучала, и я отодвинул задвижку. — Ты чего не отвечаешь? Что тут творится?

Из страха я мог бы попросить её закрыться на все замки, но мне не было страшно. Из любопытства я мог бы спросить, что именно она услышала, но мне не было любопытно. От злости я мог бы затопать ногами, разорвать записку и выбросить её. Как посмел кто-то вломиться ко мне в дом и угрожать?! Но во мне не было и злости.

— Ничего, — я поднял листок и спрятал его в карман. — Мне нужно выйти ненадолго.

— Не выдумывай, — она встала в дверном проёме. — Мы же об этом говорили. Пока не станет более-менее понятно, что там с Малишей, отсюда ни ногой! Понял?

Я с лёгкостью проскользнул у неё под рукой, когда она попыталась поймать меня, ступил за порог и замер, сам не зная почему. Будто тело вдруг превратилось в вещь, и сколько бы я ни старался, ожить оно не могло. По груди пришёлся сильный удар, и стены комнаты заглотили меня обратно.

Пока я приходил в себя, мама заперла дверь.

— Давно мы этого не делали. И вот опять вынуждаешь? В тебя словно бес вселился! Все будет хорошо! Я придумаю, как нам лучше поступить.

Удаляющиеся шаги звучали твёрдо и решительно. Не успели они затихнуть, как в окно полетел камень. Я на цыпочках пересёк комнату, словно боялся спугнуть наглеца, и через стол полез к подоконнику, сметая с пути всё, что попадалось. Никого странного взгляд не выделял — пара прохожих да несколько машин. Минута-две. Упустил.

Я опёрся на подоконник, и руку зажгло. Боль отдавалась горечью во рту и вперемешку с вонью от оберегов ударила в голову. Шум города сдавил виски, желудок скрутило. Нагрелись и затрещали жучки в ушах. Я проглотил остатки таблеток и прилёг. Появилось ощущение, что меня в крапиву закатали. Не иначе как аллергия на намешанную в мешочках траву. Хватило одного касания, чтобы моя теория подтвердилась. Линейкой я выцарапал из-под кровати мешочки и сгрёб их в дальний угол. Теперь лежалось спокойно.

Последовал новый обстрел камнями, и в этот раз стекло треснуло. «Почему ты прячешься, братец? — полетел шёпот. — Кто-то может пострадать. Знаю, ты меня слышишь».

Чтобы открыть окно, пришлось смести обереги с подоконника первым, что попало под руку.

Недолго думая, я спрыгнул на пешеходную тропу возле дома и вполне заслуженно получил ссадины на колене.

Никого, кто ждал бы меня. Я достал из кармана записку и пробежался по ней ещё раз. Что за странная необходимость сначала звать, а затем удирать. Мы же не в прятки играем.

Я проковылял к главной дороге и сел на тротуар. Решил немного подождать, а после вернуться домой и получить заслуженный нагоняй.

«Это чудо-ребёнок?» «Сфотографируй меня на его фоне!» «Как думаешь, можно к нему подойти?» «Хе-хе, чего это он?» «Смотри, как грустит по Малише! Бедняжка... Прямо как в моём фанфике, помнишь? Я давала почитать...»

Под шепотки прохожих я изучал записку. На бумаге просматривался весьма своеобразный рисунок в виде черепа. Исполнитель арта и адрес издательства внизу были напечатаны мелким шрифтом. Я уже видел нечто подобное, однако был настолько не заинтересован, что не мог теперь вспомнить, где именно.

Порыв ветра вырвал записку и поволок по траве в парк. Не успел я решиться, бежать мне за единственным доказательством того, что не за призраками гоняюсь, или же сдать на этом, как заметил начерченную мелом на асфальте стрелку. А ведь только что её не было. Она указывала на сторону, противоположную парку. Надпись рядом с ней гласила: «Следуй замной!» и далее «Не тармази!»

Сперва я огляделся — люди по-прежнему бродили, машины ездили, а ветер гонял ошмётки старого пакета. Затем снял жучок и насторожился. Крыса визжит в канализации. Мама печёт лепёшки, а масло на сковороде шипит. Странное дыхание... Такое же, как и в моей комнате. Немного сбивчивое. Кто-то взволнован. Кто-то ждёт.

Я пошёл к нему, согласно нарисованной стрелке. Дыхание растворялось в других звуках, теряло свою чёткость с каждым моим движением. След из шумов, однако, довёл меня до магазинчика ужасов.

Обычно с клиентами сразу здоровались, но в этот раз продавец даже не глянул в мою сторону. Он стоял у прилавка и угодливо показывал товар. Покупатель отнекивался и тараторил, видимо, желая получить нечто иное. Одежда привереды была яркой до рези в глазах, так что при входе в магазинчик каждый бы посмотрел сначала на него и лишь потом пошёл бы к товарам.

Высокий блондин в плаще и шляпе топтался у витрины и задумчиво изучал наборы фокусов. Женщина без особых отличительных черт бродила вокруг стенда с игрушками. Интерес к ней пропал сразу, зовущий голос был мужским.

Продавец прошмыгнул на склад, поискать, что ещё он мог предложить посетителю, и его мучитель повернулся к стеллажам. Вот спереди его одежда была обычной. Парень хмурился и плотно сжимал губы, пощёлкивая пальцами. Часть его лица ото лба до носа скрывал широкий капюшон. Не беда, всё равно не он, слишком яркий, я бы его не упустил.

Женщина тяжело вздохнула и остановилась. Она выбрала тряпичную куклу и начала её мять, напевая. Никого не смутила её колыбельная, впрочем, как и босые ноги. И так же никто, кроме меня, не обратил внимания, когда она умолкла и вместе с игрушкой направилась к выходу. Я притворился, что люблю уродливыми открытками на вертушке, искоса следя за ней.

Она прошла сквозь закрытую дверь, а игрушка упала на пол. Женщина зарыдала, склонившись над своей потерей. Теперь в магазине находилась верхняя часть её тела, торчала, будто трофейная голова животного на стене в домике какого-нибудь охотника. Она направила на меня свой мёртвый взгляд и заголосила сильнее.

«Уйди, — крутилось у меня в голове. — Уйди...» Я больше не справлялся с погоней, потому вставил жучок обратно в ухо.

Плач прекратился. У двери не было никакой женщины.

В магазинчике сочеталось столько мерзких звуков — от мышиного писка до смеха клоунов — немудрено, что она померещилась.

— Странно, — сказал блондин в шляпе, проходя мимо меня, — как она оказалась у входа? — и положил тряпичную куклу к прочим игрушкам.

— Вы... — начал было я, и он напрягся.

На плечо мне легла пластмассовая рука игрушечного скелета.

— Ку-ку! — раздалось за спиной. — Ну вот и ты, братец! Что же так долго? Столько подсказок тебе оставил, а ты и не шевелишься! Или долго трусил? — Чего бояться? У него была возможность свернуть мне шею или утащить тогда, в комнате. Хотел ли он сделать мне плохо? Наверяд ли. Хотел ли он поговорить со мной наедине? Вероятно, да. И раз был настойчив, дело считал важным. — К тебе Темынь приходил?

— Кто? — обернулся я.

— К тебе, — терпеливо повторил парень с цветастой спиной, — Темынь приходил? — Я мотнул головой, соображая, кто это может быть. — Сведоч нас покинула. Я-Ким-Чон-Ёль, — произнёс он по слогам. — Повторять больше не буду. Кимчонёль! — замахал он руками. — Нет? Ким Чонёль? По-прежнему проблемы с именами? Ну да ладно. — Я понятия не имел, что он от меня хотел, и парень сдался. — Кодовое имя точно запомнишь: Крутяшка! Пш! — он изобразил фейерверк. — Место жительства: Сеул. Родители есть. Братьев и сестёр нет. — Голос его вмиг стал серьёзным. — Темынь её забрал.

— А Темынь это...

— По ночам никто не навевается? Сведоч последнее время жаловалась на страшные сны. Усталая ходила. Всё бы ничего, но нескольким чудесным детям стало плохо. Мне пока, слава богу, нет, но неизвестно, долго ли будет так везти. Я здесь, потому что нам нужно спрятаться и придумать, как прогнать Темынь. Иначе он нас всех того! — он провёл ребром ладони по горлу.

— Нет.

Мужчина в шляпе косился на нас. Он вернулся к коробке с фокусами, когда я направился к двери. Судя по отражению в витрине, он был недоволен.

— Стой, братец! — моего оппонента свидетели не смутили. — Куда?

— Я узнал, что хотел, — всё же остановился я. — Мне это не интересно.

— Да причём тут интерес? На нас охоту ведут. Я хотел тебя предупредить, но знаю, что ты не любишь чудесных детей, — мимолётная вина в его голосе ни капли меня не тронула, — и знаясь с ними не желаешь. Приди я к тебе просто так, ты бы слушать не стал. Сообщи я тебе об этом анонимно, ты бы не поверил. А сейчас ты, братец, весь во внимании и, кажется, что-то понимаешь.

— Я же сказал, нет. И братцем меня перестать звать. Коробит. Будь любезен, не донимай меня, кем бы ты себя не считал.

— Это будет несложно, — проворчал он. — Твоя мамочка постаралась! Насыпала по углам травищи, не продерёшься! Потому и пришлось так изгаляться. Да подальше от неё встретиться, а то вдруг заметит. Если попадусь ей или кому-то вроде неё, точно стану похожим на тебя, — передёрнуло его. — Только вот Темынь эти дурацкие обереги не остановят! Он всех младенцев перебил в Ужасную Ночь!

— С чего ты взял, что это как-то связано?

— С чего ты взял, что нет? Кому ещё понадобилось стрёмным способом избавляться от чудесных детей, если не чудовищу, которое проворонило нас тогда? Странные сны, которые снятся почти нам всем, — принялся он загибать пальцы. — Причём одинаковые, судя по рассказам. Беспричинная смерть. Пока одна, — пресёк он мои возмущения. — Подождём две-три, чтоб наверняка?

— И я должен в это поверить, потому что...?

— Иначе ты умрёшь?

Вот тебе раз! Мало того, что считает себя одним из выживших в Ужасную Ночь, сталкерит, так ещё и угрожает. Из-за смерти Малиши теперь много чокнутых вылезет. Схожая история была пару лет назад. В школе меня преследовала девчонка. С виду она была безобидной, и я просто её не замечал. Считал слегка навязчивой, не более. На тринадцатый год Чуда прошёл слух, что для рождённых под кометой чёртова дюжина — число несчастливое и их ждёт много

бед. Тогда она вместе со своими дружками едва не утащила меня в укрытие, где надеялась «спрятать от всех неприятностей».

Продавец вывалился из кладовки, сияя от восторга.

— Сколько у меня посетителей! Да в такой час...

— Но покупать что-то собираюсь только я, — затараторил Чонёль мне на ухо. — Тот блондинчик по твою душу! Только гляди, как разругался! Так спешил, что до сих пор не отдышался. Что? Не заметил, как он записку подхватил? Быстрее тебя понял, куда я зову. А я так хотел поболтать без лишних!

— ...А, Глеб! Твой знакомый? — обратился продавец, и мой рот автоматически растянулся в приветливой улыбке.

— Нет, что вы...

— Вы вроде как болтаете, — продолжал он. — Понимаешь его? Скажи хоть мне, чего он хочет?

— Маска, братец! — Я стиснул зубы. Просил же, не звать меня так. — Какая именно, понятия не имею. Пусть кажет всё! Заценю, — оскалится Чонёль. — Моя раскололась, а без неё никуда.

Я перевёл взгляд с него на продавца. Тот следил за проблемным покупателем и ждал ответа.

— Маску.

— Ох! А я ему всего приносил, кроме них! — поспешил он на склад.

Среди масок Чонёль облюбовал самую простую, оттого дух леденящую. Почти такую же, какая была на мальчишке, с которым я играл в детстве. Всё вроде как и повторяется, даже манера его говорить такая же. И его любимая фраза ожила пару часов назад: «Пока у тебя есть тень, я всегда буду рядом».

От нахлынувшей тревоги закололо сердце.

Не смотря на Чонёля, будто боясь подхватить порчу, я выскользнул из магазинчика. Примчался домой и под причитания мамы, взбешённой моим побегом, закрыл все окна и двери.

Ближе к полуночи разыгралась гроза. Молнии шугали налетевшую тьму не хуже солнечных лучей. Начался ливень, и через секунду по улицам не то что ручьи бежали, реки разлились.

Стоило мне задремать, как в гробовой тишине, что бывает между ударами грома, по комнате расползся скрежет. Во мраке послышался протяжный хрип. Кровать заскрипела и прогнулась. Мелькнувшая молния бросила свет в спальню, вырисовывая очертания твари.

— Отдай её мне...

Гром развопился так, что мебель ходуном заходила.

Я задышался, казалось, вечность, но часы в прихожей давили медленным тиканьем. Не более десяти секунд.

— Отдай!

Спальня родителей была рядом, два шага дойти, а дозваться их не получалось — слова застревали на языке.

— Отдай! Иначе заставлю мучиться вечно.

Что делать? Ну же? Что?

По коже пробежал мороз. Меня тряхнуло и сжало со всех сторон.

Глава 3

Я падал, потому не выбирал, за что зацепиться. Ухватился за книжные небоскрёбы и оказался погребён под ними, как только растянулся на полу. Голова пошла кругом, и к горлу подступила тошнота. Её позыв удалось заглушить, однако желудок продолжил бушевать.

— Что за... — Мне ответило недовольное мычание в углу, и я сменил тон. — Прошу прощения. Сейчас аккуратно выкопаюсь и уберусь отсюда, — мне удалось освободить руку и скинуть с себя несколько увесистых книг.

Никаких проблем. Проснусь или что там нужно сделать? Всё отлично! Проще пареной репы.

Комнату наполнял полумрак. Вокруг валялись книги, запечатанные в целлофан. На потолочной плитке выплясывали звёзды из ночника, сам он потрескивал. Над кроватью качались и звенели ловцы снов. Целый угол отводился под железную дорогу, по которой поезд катался без всякого управления. Всю мебель накрывали белые простыни.

— Вот это да! — вскрикнул Чонэль, проводя рукой по волосам. — Жесть! Она сверкнула, и я такой — ба-а-бах!

У кресла в клетке закопошилась белая крыса. Она замерла, услышав нас, но не почувала угрозы и принялась грызть прутья. Рядом с ней стояла коробка, украшенная такой же надписью, что и моя.

— Ты вообще понимаешь, что произошло? — схватил он меня за плечи и начал трясти.

— Не особо, — оттолкнул я Чонэля и заметил на нём маску.

Край у глаза почти откололся.

Всё-таки купил. Явно прогадал. Она вот-вот развалится.

— Это я сделал, — ткнул он себе в грудь. — Знаешь ли, мы не так просты! О-хо-хо! У тебя слух, братец. Судя по всему, бесполезный, раз тебе позволяют творить с ним, что вздумается. А я... я вот что могу!

Он подскочил к горе книг и провалился в пол. Я застыл, не понимая, что должен делать. Среди мерзких шуршаний и писка раздался гудок игрушечного паровоза.

— Эй! — сказал Чонэль у меня над ухом. — Круто, правда? А всё почему? Помнишь? Тени! Могу войти в любую тень и через любую выйти. И тебя с собой перетащил! Понимаешь? Не был уверен, что не помрёшь, но вот он ты! В любом случае терять было нечего, верно? Ух! Вообще-то, со страху тебя утащил. А смотри-ка, как вышло! До чего здорово! Неужели и правда я настолько крут? Попробую с Белушей! Может, теперь...

Чонэль выловил крысу, хотя та царапалась и не гнушалась тяпнуть своего врага за палец. Он утонул в бледном пятне на стене, и его трюк с исчезновением заставил меня очнуться.

Поскольку оказался я здесь прямоком из кровати, то стал обшаривать комнату в поисках накидки. На мой вопрос, могу ли я взять на временное пользование его вещь, создание в углу тяжко засопело.

Единственное, что попало под руку, — простыни. Я сорвал одну со стола. На серый коврик упал пенал, покоившийся под ней до моего скромного вмешательства, и во все углы комнаты покатались ручки и карандаши. Пришлось ползать на четвереньках, чтобы собрать их. Так увлёкся, что забылся и полез к шкафу, у которого слышался шорох.

— Не собирался я устраивать здесь бардака, — начал было я, когда существо оживилось. — Положа руку на сердце... — призадумался и коснулся ладонью груди. — Могу поклясться, что исчезну, как поймаю парня... парня, который, кажется, похитил вашу крысу. — Раздалось звонкое рычание, от которого я подскочил и поспешил к столу, чтобы в случае нападения воспользоваться им как щитом. — Поверьте, я здесь совершенно ни при чём. Делайте с ним, что хотите, только пусть он сперва вернёт меня домой. Договорились?

Существо не ответило, и этого мне было достаточно. Я быстренько собрал карандаши, швырнул пенал обратно и краем глаза заметил рисунки. В основном тёмные и мрачные. Люди с широко раскрытыми ртами и вздыбленными волосами, ломанные линии и скрюченные формы, от объёмности которых оставались едва уловимые следы. Одно изображение делилось на багровый фон и жёлтые чирканья, в другом не использовалось никаких цветов, кроме чёрного разных оттенков.

Через завалы разрушенной книжной империи, пострадавшей от моего случайного падения, я пробрался к окну и слегка отодвинул тяжёлую грязно-зелёную штору. По комнате разлетелись мычания и шуршания. Уж не хочет ли это подползти ко мне? Я осмотрелся: никаких движений не заметил и выглянул на улицу. Что внизу — не разобрать, высоко.

— Сиэтл, — подавлено сказал Чонэль.

В руке он держал мёртвую крысу. Мгновение спустя тельце лежало в клетке.

— Ты же вроде из Сеула? Почему мы здесь?

— Ну, тут живёт... — он указал за спину, в сторону мычаний, и шагнул ко мне. — Почему не удивлён, братец? Не боишься? Тебе говорят, не сегодня завтра помрёшь страшной смертью, а ты будто фильм смотришь, — он щёлкнул пальцами у меня перед носом. — Думаешь, Темньё это шутки? Таблеточки свои драгоценные принять забыл? Или наоборот, уелся ими? Как насчёт этого? — он ущипнул меня. — А этого? — толкнул в плечо. — Поверь, уж будь любезен! Иначе тебе конец! Нам всем!

Я подался назад и наступил на динозавра-киборга, издавшего громкий хруст и наверняка после этого почившего. Это полбеда — мне не удалось сохранить равновесие, и я ухватился за штору. Та слетела с крючков и приземлилась к нашим ногам. В комнату ворвался дневной свет, только и ждал, когда его впустят. Он, не скрывая жадности, пожрал весь мрак, и я увидел маленькое, прячущееся за шкафом создание. Лучи в мгновение ока добрались до него, и жертва завопила, да так, что у меня загудело в голове.

— Ты что натворил? — Чонэль схватился за край добытой непосильным трудом простыни и шагнул в тень.

Сначала всё было совершенно серо. Как если бы меня заставили смотреть на полуденное солнце, а потом бросили в кромешную тьму. Первым я увидел Чонэля. Он замер в размышлениях. И первым я услышал его голос. «В квартир.. или на ...боту?» — нашёптывал он. Его заглушало мерное тиканье.

Неподалёку стояла невысокая башня, по крыше которой гулял человек. На голову его были надеты часы. Старые, домиком. Маятник на них двигался в такт тиканью. Станный человек шатался по краю крыши, пока не заметил меня. Стрелки на циферблате бешено закрутились. Над ними открылись дверки, и выскочила кукушка. «Ку-ка-реку!» — завопила она на всю округу.

— Вот чёрт! — очнулся от раздумий Чонэль. — Хоть простынь-то на котелок свой накинь, братец! А то сразу видно, что не из этих мест, — он потянул меня за собой. — Гостей они не любят.

Тиканье приближалось, и я оглянулся. Человек с часами вместо головы торопливо спускался с башни, перебирая конечностями, словно паук.

Мы метнулись вдоль улицы мимо качающихся на ветру домов. Плоские угрюмые облака то носились под ногами, то замедляли ход. В одно из них я провалился, но Чонэль меня удержал.

— Поаккуратнее с Обланьковым болотом! Оно хоть и бродячее, не невидимое ведь! Насмерть бы разбился.

Сверху раздался угрюмый рокот, и я поднял голову. Над нами бушевало море. Волны щетинились и пытались добраться до нас, и пусть они были далеко, от их грозного вида сердце уходило в пятки.

Впереди чернели деревья, однако Чонэль не захотел прятаться в них и свернул. Гадкий лес, по его словам, был гораздо ужаснее существа, что за нами увязалось. Там обитали самые отвратительные из возможных теней.

— Как же мы отсюда выберемся? — спросил я, кутаясь в простыне.

— Найдём нужную дверь! — Чонэль деловито поправил маску и закрутил головой. — А для этого мне необходима определённая тварь из этого мира.

— Без неё никак?

— Нет, двери у неё на спине. У каждого существа здесь спина — это выход в наш мир. Поэтому очень важно, чтобы сзади у тебя всегда был какой-нибудь рисунок, иначе раскроют в два счёта. А! Вот и оно! — Цветастый шар шатался на единственной лапе из стороны в сторону и печально охал. — Готов, братец?

— Нет.

Опять желудок скрутило, и в ушах загудело.

— ...аю, здесь самое то местечко, — раздался приглушённый голос Чонэля. — Да и любят меня здесь...

Мы стояли позади пиццерии и невероятно близко к помойке. Вернее, стоял Чонэль, а я цеплялся за него, чтобы не рухнуть в грязь. Всё равно хорошо было видно, как огромная круглая табличка гласила «Пицциано» и подмигивала прохожим.

По вонючему дворику разлетелся скрежет открывающейся двери.

— Ты опять здесь? — прошёл мимо нас темнокожий парень в перепачканном фартуке. Он покосился на мои босые ноги и издал раздражённый вздох. — И дружка с собой приволок? Снова среди бомжей обитался?

Он выбросил пакеты с мусором, которые лениво тащил по земле, потёр руки и устался на нас с ожиданием.

— Нам бы поесть, — не стушевался Чонэль.

— Разве что остатки, — пожал плечами парень. — И побыстрее! Твоя семья вроде одна из самых богатых в мире, что же ты вечно грязный и голодный?

Нам накрыли на небольшом столике в кухне. Заприметив еду, я понял, как проголодался. Набросился на картошку с холодной сосиской, словно меня неделю не кормили.

— Так-то, — заговорил Чонэль с полным ртом. Маску он не снял, а слегка приподнял. — Путешествия много энергии забирают. Нужно хорошенько подкрепиться. Мне так за двоих вообще! Ирв, послушай!

Парень, который провёл нас на кухню, перестал мыть посуду и повернулся. Всем своим видом он выражал недовольство.

— Темынь теперь и к братцу Звоноуху прилип, — указал на меня Чонэль.

Звоноуху. Почему этого парня он по имени зовёт? Зачем вообще нужны эти кодовые имена? Ими кто-нибудь, кроме этого самого «Крутяшки», пользуется?

Ирв, не скрывая издевательской ухмылки, опёрся на раковину.

— Он пытался обращаться ко мне, как к некому Похитителю Слов, да и уши все прожужжал этим своим «братцем», но мой кулак под его носом всё разъяснил. Что ты от меня хочешь, Чонэль? Нет, я никуда не собираюсь уходить! Не собираюсь играть с тобой в семью или в близких людей. На мне мама больная, чувак! Я её бросить не могу. В любой момент, понимаешь? Я могу понадобиться ей в любой момент! Потому и работаю здесь, всего в двух шагах от дома. Потому и отказываюсь от всех предложений, которые на меня сыплются. Мы с ней отказались даже от госопеки, зачем нам ты? Да, если что-то странное случится, я тебе сообщу!

Почему отказались? Этот вопрос ещё не успел толком появиться в голове, а Ирв уже отвечал:

— Мама сказала, что рожала меня не для того, чтобы я становился зверьком в клетке, а без особых условий они помочь не смогли.

— Не понимаю, — сказал я. — Нам тоже предлагали помощь. Мама согласилась, и сейчас у меня со слухом более-менее порядок. Никаких особых условий. Никаких исследований. Никакой клетки. Что это вообще? — Ирв приподнял брови, а из-за спины послышался шепоток Чонёля: «Бесполезный дар...». — Если вам кажется, что вас на опыты растащить хотят, так ведь давно бы уже по-тихому где-нибудь закрыли.

— Скажи спасибо, что сейчас о малейшей проблеме можно сообщить по тому же интернету. История о том, что тебя, чудесного, о котором весь белый свет знает, на опыты сдали, разлетится в долю секунды. Представляешь, как будут рвать и метать люди, для которых ты — символ надежды или ещё чего? Из-за смерти Малиши президента смещать хотят. Не сберёт национальное чудо, да и общечеловеческое, — хмыкнул он. — А ты напридумывал! Закрыть против воли...

— Вот и расскажи о своей маме через соцсети, — предложил я. — Мимо просьбы чудесного ребёнка мало кто пройдёт.

— Мы неплохо справляемся и сами. Лучше оставить этот вариант для тех, кому помощь нужна больше. Нет, Чонэль! Я не строю из себя мученика. Вот если однажды случится ещё одно чудо и ты думать научишься, тогда поймёшь. А сейчас... — Он говорил быстро, с каждым словом громче. Раздражение вот-вот возьмёт над ним верх. Чонэль никаких вопросов не задавал и ни на чём не настаивал. Возможно, этот разговор между ними затевался не в первый раз, и они знали свои реплики наизусть. — Доедайте и валите уже! — Он вернулся к мытью посуды, правда, не прошло и десяти секунд, швырнул тарелку в мыльную воду. — Я сказал, нет! Как ты не понимаешь? Да, может, я и чудесный, но не в вашей команде. Прости уж! Я приключений не ищу.

Я быстро разделался со своей порцией, боясь, что Ирв нас выгонит. Он же продолжал говорить сам с собой. В тот момент мне подумалось, что этот парень совсем плох.

Проблемы были у всех. Чонэль очень худой. Кости так и выпирают. Уже по рукам видно. У меня начинается нервозность, когда слуховой прибор перестаёт работать. У Ирва, похоже, вошло в привычку болтать с собой, и выглядело это куда более жутко, чем мы с Чонёлем вместе взятые.

— И какой у него талант? — спросил я, когда нас выдворили на улицу.

— Мысли читает. — Чонэль шмыгнул носом, будто ничего важного не сообщил. Мне удалось подавить усмешку, но оказалось, шутить здесь никто не собирался. — Надеюсь, ты ничего плохого о нём не думал? Злопамятный он.

— Вроде нет. В любом случае не собирался встречаться с ним снова.

Чёрные вырезы маски сверлили не хуже заправских глаз. Мне больше нравилось стоять молча и смотреть на проезжающие мимо машины, потому я ничего и не сказал, хотя он ждал.

— Знаешь, братец, в детстве меня привязывали к стулу, иногда к батарее, настолько плохо я справлялся, — он отвернулся и тоже уставился на дорогу. — Родители. Что с них взять! Думали, что я слишком шустрый и по своей воле смерти ищу. Чтобы я утихомирился, меня и привязывали. Тогда я даже вещи перетаскивать не умел. Это, кстати, помогало. Я ведь мог провалиться в тень и заблудиться или попасться существам на той стороне. Если слишком долго там пробыть, то сам превратишься в тень. Сольёшься с чем-нибудь — и кранты! Или сожрут тебя. Не знаю, что и хуже. Так что лучше держаться поближе ко мне в моём маленьком царстве.

— К чему эти истории? — не вдохновился я его страшилками. — Просто верни меня домой. С этим трудностей быть не должно.

— Там же Темынь... Стой-ка! Кажется, переварилось. Нам пора!

Чонэль схватился за меня. Не успел я и глазом моргнуть, как мы попали в тёмную комнату. Он шикнул, увидев, что я открыл рот, и мы притаились в стопках книг.

— Теперь всё в порядке, милый, — женщина убрала последнюю книгу и поправила на столе новую белую простынь, поскольку прежняя сейчас прятала меня от внешнего мира с головы до пят. В нос ударил запах хлорки. — Хочешь чего-нибудь? — Только мычание в ответ. — Зови, если что.

Она тихо прикрыла дверь, и Чонёль высунулся из укрытия.

— Почему мы опять здесь? — спросил я.

— К Лейну Темынь тоже придёт, — указал он на существо в углу. — Но он не говорит, потому не сможет позвать на помощь. Никто, кроме нас, его не защитит. Никто не поймёт, что ему грозит! Может, ты и удивишься, но не для себя одного стараюсь... — он умолк, поняв, что я не слушаю. — Знаешь, отлично! Я верну тебя. Просто знай, Малиша была уверена, что справится. И она бы легко не сдалась, по крайней мере, не потому что испугалась.

— Какой у него талант? — огляделся я в поисках того, чтоб могло навести на ответ.

— Не знаю, — опустил он голову. — Кодового имени у него потому и нет. Да и какая разница? — присел он на книги. — Темынь...

— Зачем ты мне это говоришь? В смысле, тебе больше не к кому обратиться?

— А к кому? Думаешь, кто-то нам поможет? Прямо как шестнадцать лет назад? Ой, стоп! А кто это нам тогда помог? Точно. Чудо. Из всех чудесных ты, братец, более... — Чонёль постучал по виску. — Ирв ещё, но ты сам видел. Чтобы безопасное место подобрать, нужно столько всего знать, а я не любитель, — он взял первую подвернувшуюся книгу, — всего этого, — и швырнул её в сторону. — По теням скакать — вот это моя тема. Мы могли бы сообразить вместе. Как в детстве, помнишь? Две головы лучше.

— Я узнал о Темыни несколько часов назад. Что, по-твоему, могу сообразить? Ладно-ладно. Согласен, что-то здесь не так, — сдался я. Спорить действительно было не о чем. — Лиха беда начало, — подбодрил я себя и добавил: — Верни меня домой. Я хотя бы нормально оденусь и соберу сумку.

Он доставил меня к магазинчику ужасов. В тенях ничего разглядеть не удалось, зато отчётливо слышалось тиканье. По утверждениям Чонёля, оно и к лучшему.

— От дома далеко, — раздосадовался я.

— К тебе же Темынь наведывался! Я туда больше ни ногой! Да и мамка твоя не меньше жути нагоняет, — вздрогнул он. — Мало ли попадусь ей! В общем, жду тебя здесь. Часа хватит?

Окольными путями я добрался до дома. Не хватало, чтобы по городу разнеслись слухи о том, что чудесный ребёнок разгуливал босиком и в простыне.

Собрался я поспешно — чуть не забыл таблетки.

Выгреб накопленные деньги из тайника.

Позвонил маме.

Она отругала, мол, такой-сякой, проспал завтрак и утренние занятия. В мою комнату она не заглядывала. Наверняка сама надеялась, что до обеда продрыхну. Из-за чувствительного слуха о крепком сне можно только мечтать, оттого мешки под глазами стали неотъемлемой частью моего лица. Меня никогда не будили. Обычно всё проходило в точности да наоборот.

Я сказал, что знакомый пригласил погостить. Мама испугалась не на шутку и приказала носа из дома не высовывать. Тогда в ход пошли выдумки про общий проект по занятиям, который необходимо сообразить за несколько дней. И конечно же, удобнее было бы от него не отвлекаться, чтобы успеть сделать вовремя. Я пообещал, что прихвачу с собой несколько мешочков с сеном, выданных бабой Верой. Мама вроде бы успокоилась, даже обрадовалась и начала расспрашивать, кто мой друг такой, где мы будем, всё ли необходимое с собой взял, как там мой слуховой аппарат. Я врал, как мог, еле отбил.

— Ты уверен, что всё будет в порядке?

— Ну, конечно, мам! Не волнуйся. Пока.

Ботинки. Сумка. Ключи.

На лестничной площадке появилась баба Вера. Наверняка выглядела в глазок и теперь подстерегала меня, держась за перила.

— Собрался куда?

— Да, к друзьям. — Я запер дверь, дёрнул её несколько раз, проверяя по привычке, и повернулся к любопытной соседке. — На пару дней. Или на подольше. Как получится, так что можете не поджидать меня здесь... Ну, это так, к сведению. Конечно же, вы вольны делать всё, что пожелаете. Ещё я... я хотел извиниться...

Пока я говорил, старуха достала пузырёк из кармана потрёпанного халата, дрожащей рукой открыла его и, не говоря ни слова, выплеснула содержимое на меня.

В горле поднялся ком, и дышать стало трудно. Кожу зажгло.

— Подурнело? — взбаламутилась старуха и вцепилась в мой локоть.

Снова она со своими оберегами да отварами, никак не угомонится. Не там она «своё зло» — как называл её байки о нечисти папа — ищет, не там.

Я старался не опираться на неё, боялся, что сломаю ей парочку дряхлых костей, но баба Вера оказалась на удивление крепкой.

Она затолкала меня к себе в квартиру, закрылась на замок и медленно провела на кухню. Перед глазами плыло. Стоять я не мог, и она усадила меня за стол, а сама поставила чайник. Пока я пытался выдавить из себя хотя бы слово, он закипел.

— Выпей! Должно полегчать.

Старуха поставила передо мной чашку. От запаха воротило, и я лишь из вежливости — а то маме пожалуется — смочил губы вонючей жижей. Голова закружилась, и уши разрывало от треска.

Я повалился со стула.

— Так и знала! — победоносно вскрикнула старуха. — Нечисть! То-то зло к вам и тянется! Ну ничего! Мне не впервой с такими ладить!

Она взяла книгу с подоконника и пролистала её.

— Мельком видела сегодня в окне тварь в маске. Неужто за тобой пришла? Разгуливать так запросто! Знавала я таких! — она глянула на меня. — Только людей нипочём губите. Чем вот был мой правнук, месяц от роду, виноват? Чем, а? Сами не знаете! Сейчас заварю настой покрепче, чтоб уж точно. Так-то, Глеб! Зря тебя оберегают! Таких нужно травить, как тараканов! Эх! Знала мамка твоя, что что-то с тобой не так. Потому и ходила ко мне. Потому и просила спасти тебя! Жаловалась, что ты ей чужим кажешься. Как будто не от мира сего. Так не от сего и есть, да?

Тело чесалось изнутри. Хотелось содрать кожу и отбросить её подальше. Огонь, прожигающий желудок, потихоньку подбирался ко рту.

— Ты пожил достаточно! — взвизгнула старуха. Тонкие губы растянулись в улыбке. — Определённо больше, чем тебе полагалось.

Глава 4

Не скажу, что меня интересовал пёстрый линолеум, на котором меня угораздило распластаться, но вариантов-то особо и не было. Либо это, либо ссохшиеся старушечьи ноги, слегка размытые из-за действия отвара.

Я надеялся, что баба Вера уйдёт в другую комнату, хотя бы на минуту. Не знаю, вдруг решит, что нужно позвать священника или ещё кого. Лишь бы подальше от меня. Однако она торчала у плиты и мурчала себе под нос весёлые мотивы.

— Есть кто-нибудь дома? — раздалось из прихожей.

Старуха замерла. Дверь она точно запирала, так что внутрь никто пробраться не мог. Да и звонят или, по крайней мере, стучат обычно, прежде чем заглянуть.

Я услышал, как булькнула жидкость в пузырьке, который она взяла в одну руку, и лязгнул нож, подхваченный второй. Баба Вера засемила к незваному гостю, чмокая и ворча, и было в этом нечто обыденное, точно она так каждый день пополудни делала.

Лёгкое шуршание, за ним поскрипывание — и тишина. Пошарканые кроссовки появились перед моим носом пару секунд спустя.

— И сколько раз мне тебя спасать, братец? — Чонёль присел на стул и нюхнул зелье, которым меня опоили. — Фу! — Он аккуратно, двумя пальцами, отодвинул от себя чашку. — Фу-фу, — добавил он, будто одного раза было мало. — И чего делать?

Если спрашивал меня, то напрасно. Я до сих пор не понимал, почему лежал на полу, не то чтобы сообразить, какое лекарство нужно.

Чонёль подошёл к раковине и нацедил стакан воды, поднёс и дал напиток. Несильно, но помогло. Теперь во рту ощущался привкус гнилой травы, смешанной с подсолнечным маслом.

Чонёль усадил меня на табуретку и прижал спиной к стене. Затем по-хозяйски поставил чайник и порылся в кухонных ящиках. На столе образовалась горка из конфет и печенья.

— Книга.

— Что, братец? — К тому моменту, когда я заговорил, он попивал чаёк.

— Посмотри в книге. — От вялого кивка в сторону подоконника голова закружилась сильнее. — Баба Вера отвар из неё вычитывала.

Чонёль уже стоял у подоконника и тянулся липкими от карамелек пальцами к старой ободранной обложке.

— Ай! Жжётся-то как! — На его руках вмиг оказались рукавицы-прихватки. Он вцепился в книгу, со стенаниями доволоч её до стола, швырнул поближе ко мне и пролистал несколько страниц. Повеяло старостью и плесенью. — Надо с собой забрать. — Из неё полез скрипучий шёпот. Чонёль спокойно разглядывал картинки — не услышал. — Книжонка-то вроде дельная. Непонятная только. — Я бы такого, конечно, не предложил, вещь всё-таки не наша, но про себя с Чонёлем согласился. — Да и лучше пусть у нас будет, чем у этой сумасшедшей старухи, да?

— Что ты с ней сделал, кстати?

— Запихал в шкаф, — не отвлекался он от рисунков. — Всё с ней нормально, — он поправил маску. — Я что, похож на истязателя старушек? Так! Хватит! Давай подкрепись! — он пододвинул ко мне кружку, из которой пил. — И валим отсюда!

— Мы в чужой квартире.

— Все мы братья и сёстры в этом мире! — развёл он руки и устремил лицо к потрескавшейся побелке на потолке. — Серьёзно? — Благодать сошла с него, не успев толком проявиться. — Она чуть тебя не угробила, так что съешь конфетку и запей чайком. Такой стресс! Уф!

Я сжевал одно печенье и действительно почувствовал себя лучше.

Чонёль листал книгу. Мы не знали языка, так что навряд ли он понимал хоть слово, пусть и пытался всей своей сущностью показать некую осмысленность.

— Почему не появился и не забрал меня? Зачем заговорил с ней? — Он замер, услышав вопрос. — Пожалуйста, когда рядом со мной, привлекай поменьше внимания.

— У неё в квартире странные тени, — простонал он. — Дикие какие-то. Одна меня укусила! — Чонёль закатал рукав, и мне открылись следы клыков. — Едва удалось нырнуть в одну из них. Ту, что лежала у самой двери, а дальше пришлось соображать. Я ж не знал, где ты точно и что делает старуха.

Когда удалось подняться, Чонёль помог мне дойти до лестничной площадки. Проходя мимо шкафа в коридоре, я услышал частое дыхание старухи. Её сердце колотилось как заведённое. Бойся. Однако и мне особо нечем похвастаться: обогнул шкаф, словно баба Вера в любую секунду могла из него выскочить.

Рядом с моей крохотной сумкой стоял огромный чемодан. Пока я недоумевал, чего можно было в него напихать, Чонёль сбегал за книгой. Мы засунули её к моим пожиткам, потому что его багаж якобы и так трещал по швам.

— Сперва вещи, затем ты, братец, — расставил он приоритеты.

Чонёль проскользнул в узкую тень перил, а я остался ждать, украдкой посматривая на квартиру старухи. Конечно, и мысли не возникало пробиться в любимцы бабы Веры — да и сам я её особо не жаловал, — но она часто угощала меня леденцами, когда был помладше. Она всегда интересовалась моим здоровьем и приветливо улыбалась. И в то же время, получается, поджидала момента, чтобы от меня избавиться.

Чонёль появился за спиной незаметно и ухватился за моё плечо. Я успел почувствовать прохладное облако под ногами, а дальше мы уже стояли в комнате Лейна.

— Когда знаешь куда идти, — сказал тенеходец, — достаточно шага, чтобы добраться. Теней много, и они постоянно пересекаются.

— А они не могут выбраться к нам? — Я проследил за тем, как он швырнул мою сумку под стул, а свой чемодан стал старательно запихивать под кровать.

— Зачем? А если и захотят, им маяк нужен, как и нам. Ты ведь не сам туда попадаешь? Через меня. Вот им так же надо!

— Ты и их маяк?

Лейн, притаившийся в углу, начал мычать. Больше походило на песенку, чем на ругань. Хотя, будь я на его месте, то скорее всего именно послал бы нас, да куда подальше.

— Правильно! — победоносно выдохнул Чонёль, сумел-таки спрятать огромный чемодан. — Давай нашу! Провокационную!

— Давно здесь ошиваешься? — удивило меня их побратимство.

— Чаше, чем дома, — плюхнулся он на стул.

— Его родители знают?

— Ме-ме-ме! Родители то, родители сё! — с издёвкой проблеял Чонёль. — Ничьи родители не знают. Нечего тут сопли разводить! А если уж совсем без этого не можешь, так пожалуйста, вот тебе моё разъяснение — Лейн нас пригласил. Да, Лейн? Кто-то ведь должен охранять тебя от страшного и противного Темыни? — засюсюкал он.

Лейн в углу замычал.

— Неправильно это, — сказал я.

— Раньше ты радовался, когда я у тебя дома бывал. Помнишь, братец? Тоже так хотел. А сейчас мораль мне читаешь? Что, по-твоему, я должен делать? — заворчал он. — Решать бесполезные задачки в душной комнатёнке? Зачем мне это?

— Светлое будущее и всё такое. Как говорит моя мама, в мире миллионы людей, на всех его не хватает.

— Мне побоку вся эта борьба за место под солнцем, — Чонель постучал себя в грудь. — Я же вытащил счастливый билет, когда родился в Ужасную Ночь. И ты тоже, кстати. Не знаю, чем ты недоволен. Тем, что лучше других?

— Мама говорит, что человек — существо коллективное. Он счастлив, когда вливается в общество, а не выделяется из него.

— Послушай-ка меня, — он перестал вертеться в кои-то веки. — Я побывал в таких местах, которые тебе и не снились, добравшись до них за пару секунд. Ел, пил, видел то, о чём ты и не догадываешься. И всё это случилось, потому что везде — слышишь меня, твой аппарат не мешает? — везде есть тени. Я волен быть где захочу и делать что захочу, — он откинулся на спинку стула и положил ноги на стол. — Почему я должен забывать об этом? Почему я должен быть обычным, когда это не так? В угоду чего? Я самый известный человек в своей стране. Я кормилец своей семьи. Всё-о-о, — он не без гордости провёл перед собой рукой, — что мой отец сейчас имеет, он заработал благодаря моему имени. И спрашивать я ни у кого ничего не должен. Даже наоборот. Если уж мой папаша хочет навариваться на моём рождении, будет молчать или говорить, когда захочу.

— А мама?

— Тоже бы молчала, если бы была жива.

— Но у тебя же вроде оба родителя?

— Да, были. Сейчас снова один, — он задумался на секунду, а затем вскочил: — Пойду выпущу твою старушку, а ты пока сгоняй за едой, хорошо? Не тормози, братец! — легонько толкнул он меня.

Я кивнул и наклонился к сумке.

— Что ты делаешь? — остановил меня Чонель. — Не деньги ли хочешь достать? Собрался еду покупать? Чушь какая! Мы же в гостях! Сходи на кухню и поройся в холодильнике. Сейчас дома один Лейн. Временами заходит соседка, проверить, всё ли хорошо, так что не попадись. Не тушуйся! Лейн, скажи, что можно! — Лейн промычал на свой лад что-то похожее на одобрение. — Мы с ним с детства знакомы, — успокоил меня Чонель. — Не волнуйся ты, маменькина радость! — он потрепал меня по щеке и похлопал по плечу.

Я ждал, что он скажет, поскольку он увещательно погрозил пальцем, но Чонель провалился в тень и оставил меня в недоумении. Не зная как поступить, по совести или по возможности, — есть хотелось и мне — я бессмысленно пялился на место у стены, где в прошлый раз стояла клетка с крысой.

Из тёмного угла выкатила машинка. Жужжа и потрескивая, она гнала до тех пор, пока не врезалась мне в ногу. К кузову крепилась карточка. «Бутерброд с арахисовым маслом» сообщила она.

— Тоже хочешь перекусить? — На мой вопрос из угла раздалось мычание. — И нам можно? Правда?

Печальный вздох Лейна заставил меня почувствовать себя дураком.

Я выглянул в коридор, проверяя на всякий пожарный, нет ли кого, выскользнул из комнаты и прокрался к холодильнику. Достал молоко — в горле от волнения пересохло — и несколько бутербродов странной формы. Осмелел настолько, что взял тарелку из шкафчика над булькающей раковиной, и наложил закусок, сделанных на быструю руку. Так унести получится больше.

В замочной скважине повернулся ключ. Я не успел бы добежать до комнаты, потому шмыгнул под стол.

Женщина прошла до холодильника и бросила сумку с продуктами на кухонную тумбу.

— Я не согласна! — развернулась она. — Не смей больше предлагать ничего подобного! Как у тебя язык повернулся? — Я преодолел полпути, продвигаясь гуськом к коридору, но в дверях появился мужчина. — Никаких интернатов, — женщина начала разбирать продукты,

пока он клал ключи в ящик комода. — ...лечебниц... И чего бы там ни было! Ни государственных, ни частных! Сколько можно? Хватит меня доводить! В миллион первый раз говорю: Не позволю чужим людям заботиться о моём сыне!

Я прижался к ножке стола.

— Ему отведут целое крыло. За ним будет следить специальный персонал. Что не так? Так он хоть чему-то научится. Хоть какой-то самостоятельности. Лейн сейчас шнурки нормально завязать не может. Ты думала о том, что будет, если с нами что-то случится? Да и мы... неужели не хочешь хотя бы немного времени посвятить не ему, а себе?

— Так вот она — истинная причина? — Шуршания пакетов на миг затихли. — Тебе себя жаль?

— Не передёргивай! В первую очередь я хочу быть уверен, что Лейн и без нас справится...

— Посмотри! — открыла она холодильник. — Ты не забываешь подсовывать мне брошюры о всяких там лечебных центрах? О том, что нужно молоко, ты не вспомнил!

Я покрепче сжал потеплевшую бутылку в руках.

— Разве я один? — повысил голос мужчина. — Сама-то почему об этом не подумала?

Я пересёк порог и прислонился спиной к стене. Теперь потихоньку, без суеты... Я шагнул к комнате Лейна и обомлел, столкнувшись с мальчиком. Ссутуленный, с огромными болотистыми глазами. Черты бледного лица, даже острый нос с горбинкой, выглядели настолько мягкими, что казалось, передо мной стоял ребёнок лет одиннадцати от силы.

Он смотрел в никуда и мял пальцы — хотел что-то сделать, но у него не получалось.

— Лейн? — шепнул я. Дышать стало страшно. — Давай вернёмся в комнату. — Он нахмурился. Как бы не замычал и не сдал меня с потрохами. — Лейн, пожалуйста...

Он неуклюже развернулся и побрёл в спальню. Я — за ним. Поставил тарелку с закусками и молоко на стол, проверил, плотно ли закрыта дверь, и только затем осмелел настолько, что смог отдышался.

— Долго же ты возился, братец! — пожаловался Чонэль. Он сидел на полу, укрывшись покрывалом, и с помощью карандаша переворачивал страницы похищенной книги. — Подай-ка мне один.

Я мотнул головой, устроился на стуле и откусил от бутерброда.

— Что-нибудь полезное нашёл?

— Бред какой-то, — не изменил он мнения. — Назову-ка я её Кошмарницей. Кошмарна не только внешне, но и по содержанию. Здесь разрисованы дикие способы распознавания нечисти. Кто такая та рехнутая бабка? Эта обложка, случаем, не из кожи каких-нибудь сверхъестественных существ? О боже! А что, если да?

Лейн коснулся молока и отдёргнул руку от бутылки, состроив капризную гримасу. От приготовленных мной бутербродов он тоже отказался, потоптался немного на месте и вышел в коридор.

— Будешь молоко? Нет? Дай мне! — тенеходец слегка сдвинул маску.

Я перенёс еду со стола на пол и сел рядом. Пора прекращать любоваться на картинки и приняться за дело.

Мы разбирались в Кошмарнице до ночи.

Потом спрятались и пытались делать вид, что вовсе не подглядываем за тем, как родители укладывали Лейна спать.

Затем снова изучали книгу под светом фонарика, который Чонэль предусмотрительно запихал в один из карманов своего походного рюкзака.

— Получается, мы демоны? — прошептал я.

Лейн мирно посапывал, и будить его не хотелось.

— Демоны злые, — со знанием дела заявил Чонэль. — Мы же хорошие.

— Тогда почему на нас эти заговоры действуют?

— Травища не действует на простых, обычных людей... А мы сложные. Не злые, а сложные. Так-то. Ты чего из стороны в сторону шатаешься? Спишь, братец? Ну, да ладно! Я всё равно долго сидеть буду. Подозорю...

Проснулся я, услышав шаги и грохот на кухне.

Чонёль беззаботно похрапывал рядом.

— Ты чего? — растормошил я его. — Вроде божишься, что на стрёме будешь.

— Когда это? У тебя слух лучше, — потянулся он, зевая, — ты и сторожить должен! Да и вообще! В порядке же всё. Чего кипишуешь?

Лейн сидел на запровленной постели и смотрел в потолок, считал звёзды на крутившемся небосводе. Я убрал мягкую игрушку из-под головы — честно не помню, как она там оказалась — и, подложив ладонь, тоже стал наблюдать за медленно движущимися точками. Время от времени среди них вверх пролетала Чудо. Потрескивания ночника успокаивали. В унисон им бурчал Чонёль, и если не особо вслушиваться, то можно подумать, что телевизор работает.

— Лейн! — Раздался стук, и мы переполошились. — Встал? Пойдёшь завтракать?

Лейн проворно обогнул книжные горы, пряча левую руку в растянутом рукаве кофты.

— Не забудь нам чего-нибудь прихватить! — шепнул Чонёль.

Не получив и намёка на ответ, он безмятежно юркнул под откинтое им во время сна покрывало, включил фонарик, чтобы разогнать сумрак комнаты, и застыл над Кошмарницей.

— Это ты нашёл, братец? — он ткнул пальцем в страницу, затем резко его отнял. — Ай! Больно! — и подул на него. — Полкниги пролистано. Мы вроде меньше просмотрели.

— Ничего не трогал, — подсел я к нему. — Место, где можно укрыться от нечисти... — прочитал я вслух первую строчку и замолчал в растерянности. Чонёля удивить оказалось сложнее. Он достал телефон и сфотографировал содержимое статьи. — Слишком уж диковинно звучит. На сказку больше похоже. Типа избушки на курьих ножках. Даже если это место где-то и есть, нам его не отыскать, — продолжил я, беря пример с Чонёля. Объяснение наверняка найдётся. Сейчас у нас были вопросы посерьёзнее. — Если бы можно было его найти, люди бы так и сделали. И болтали бы о такой невидали уже давно. А так... Время зря потратим.

— Ты как старикашка! Ну, хорошо! Давай тогда посидим и подождём, пока Темынь нас всех поймает и сожрёт. Ты ведь не ждёшь, что спастись мы будем, тыркаясь по углам своих комнат и думая, что всё само обойдётся?

Чонёль исчезал в тени, потом возвращался, садился за Кошмарницу, искал что-то в интернете, листал её и опять куда-то пропадал. Так он метался полдня.

Я тоже заглядывал в книгу, чтобы поискать зелья, которыми меня опоила баба Вера. Нашёл и эти, и другие. Аккуратным почерком выводилось, как без особого труда можно убить любую нечистую тварь. Под некоторыми рецептами мелькала приписка: «Не действует, если...» Нам такое «если» не подходило.

Чонёль ворчал, когда появлялся и видел, что книга раскрыта не на нужной ему странице. Не спрашивая, что ищу, он отталкивал меня и двигал Кошмарницу к себе, будто он единственный, кто имел на неё право.

— Не мешайся, братец! Разве город сейчас не важнее? — единственное, что он сказал, оправдывая своё поведение.

И я сдался — немного подремал, а после попытался разобраться в мычаниях Лейна. Порой я понимал какие-то отдельные слоги, но они растворялись в общем потоке бессмысленных звуков.

— Собирайся! — наконец скомандовал Чонёль, захлопывая Кошмарницу.

Я расстегнул молнию на сумке. Специально рядом с ней садился, когда возвращался тенеходец. Скорее начнём, скорее закончим.

— Где это место, по-твоему? Где нам его искать? Что брать-то? — Я повернулся, не получив ответа.

Чонёля не было.

Через несколько минут он выпрыгнул из стены с двумя бутылками воды и запихал их в рюкзак, потом принялся мучить чемодан. Долго вытаскивал его из тайника, рылся, закидывал в рюкзак странные предметы, пока тот не стал пугающе пузатым, утрамбовал вещи и затолкал чемодан обратно под кровать.

Мне он велел достать шляпу и ветровку.

— Так куда мы...?

Чонёль коснулся моего плеча.

Возле нас проползала бесформенная жижа из глаз, рук, ног и железяк. Она ухала и охала, иногда присвистывая, и разгоняла стайки облаков. Вместо спины у неё было окно, в котором проносились пейзажи.

Поезд, догадался я.

— Думаю, нам сюда, — подтолкнул меня Чонёль. — Ты рот-то не разевай, братец, иначе заблудишься!

— Да-да... Мы можем встретить свои тени? Они рядом?

— Пока мы тут, навряд ли, — с важностью заявил он. — Вернёмся в свой мир, и они появятся.

— Где они, пока мы здесь?

— Думаю, их нет. Свою не встречал, по крайней мере. Или... не знаю. Без понятия, как она выглядит, если честно, но если нас нет там, почему они должны быть здесь? Здесь всё не так, как в нашем мире, да и разве это важно? Вот оно! Смотри! — Маленький комок валялся в траве и дрожал. — Надо перевернуть. — Чонёль коснулся его носом кроссовки. — Неведомый зверёк встрепнулся и загоготал. Теперь можно было различить перья на хвосте и чешую на морде. — Что-то вижу! — Он прыгнул и потянул меня за собой.

От сильной духоты голова пошла кругом.

Я подождал, пока перед глазами перестанут мельтешить чёрные пятна, и поспешил натянуть свалившуюся шляпу. Мы стояли у коряги, за которую зацепился пух какой-то птицы и змеиная кожа.

— Самая ближняя до места, которого нормальные тени избегают! — Чонёль сделал шаг назад. — Это не я придумал! Так в книге было написано.

Лицо опалило раскалённым воздухом, стало трудно дышать.

Пустыня была нам не рада.

Глава 5

Чонёль носился из стороны в сторону — раз чуть не сбил меня с ног — и снимал себя на телефон, даже монопод достал. Его не смущало, что лицо его по-прежнему скрывала маска, а меня до поры до времени не волновало, зачем он вообще этим занимается.

— От дюн тени, — заметил я. — Почему не пробраться через них?

— Сам и пробуй, если такой умный, — притормозил Чонёль и приподнял камеру на телефоне так, чтобы в объектив уместились мы оба. Я отошёл в сторону. — Песочные тени — тени, создаваемые песком на песке — мнимые. Если в них утонешь, то окажешься не пойми где. Я как-то провалился. Едва с жизнью не распрощался в Гадком лесе.

Вода закончилась. Песок лез в глаза, нос, уши, попал под одежду и лип к вспотевшему телу. Ещё немного, и тот Гадкий лес перестанет пугать. Лучше уж в него, чем здесь.

— Если совсем невмоготу, давай вернёмся, братец? — Чонёль снял пузатый рюкзак. С минуту он рылся в своей свалке из вещей, пока не откопал ослепительно белое полотенце. — Кстати, — он прильнул ко мне и сфотографировал нас вместе. — Жаль, сети нет, а то бы сразу и выложил...

— Куда выложил? — прикрыл я обгоревшее на солнце лицо. Он сделал новый снимок. — Ким!

— Я дружу с организаторами нашего фан-клуба! И состою в нём, кстати! — он начал притоптывать, так сильно его распирало от гордости. — Бывает, посылаю им эксклюзивные снимки с чудесными детьми. Если любовь не подогреть, она остывает!

— Так ты следил за мной?

— Не только за тобой, не драматизируй! Малиша, между прочим, рада была попозировать. У неё натурально получалось делать вид полного неведения, и при этом на снимках она выходила милашкой. Хотя мои фото в любом случае круче! Хочешь глянуть, когда вернёмся?

— Нет, спасибо.

Чонёль снял телефон с палки и с горем пополам, пополам с неразборчивыми бормотаниями привязал к ней полотенце. Затем воткнул покрепче, и на песке появилась тень от флага. Он сунул в неё голову, изучая местность по ту сторону.

— Готово, — поднялся он и торжественно продолжил: — Главное, чтобы это великое сооружение — символ разумности и целеустремлённости рода людского — выстояло до нашего следующего визита, иначе придётся снова топтать от той коряги.

На тот момент хотелось быть подальше от пустыни — солнца, сухого ветра и горячего песка, — потому я не испугался его предупреждений.

— Не отправляй это своим друзьям, — глянул я на его телефон. — Темнь, может, и не пользуется интернетом, но моя мама — да.

Чонёль щёлкнул себя напоследок в гордом одиночестве и протянул мне руку.

Комната Лейна стала большим раем, чем раньше. Сумрачная прохлада и повысила настроение, и добавила аппетита. Мы с Чонёлем съели чуть ли не половину содержимого в холодильнике и не переставали удивляться, почему родители Лейна не обращали внимания на то, что их запасы редеют.

— Уверен, что мы туда идём? — спросил я, дожидая остатков бутерброда.

Чонёль переписывался по телефону, вольготно развалившись на кровати и дрыгая ногой, а я разлёгся на полу и прижимал к щеке бутылку с холодной водой.

— Этот город должен защищать жителей от нечисти, — напомнил он. — Вроде бы как таинственный весь из себя такой и тому подобное. Думаешь, он отмечен стрелочкой и словами «Сюда! Все кому не лень!»? Я смотрел по теням. Подобраться к ним не смог, но где-то в тех

местах точно есть поселение, не отмеченное на карте. Вот его-то мы пока и ищем. А там видно будет, то или не то.

На следующее утро я упорно притворялся спящим, сколько мог, а после предложил тенеходцу идти одному. Он был возмущён. Мол, кто ему поможет, если хватит солнечный удар. Да и вообще, не всё же ему одному делать! «Две головы! Две!» — то ли напоминал, то ли ругался он.

Пришлось собираться, и физически, и морально.

Я стоял у окна и наблюдал из-за шторы за мельтешившими внизу людьми, пытаюсь придумать очередную отговорку, когда услышал завывания ветра. Они прошлись по стеклу, и то зазвенело. Сердце сжалось, словно его вырывают из груди. «Отдай! — Шёпот вместе с ветром летел до самых небес. — Отдай её мне!»

— Пришёл! — отскочил я к столу. От неожиданности Чонёль выронил сыр, который прятал в рюкзак. — Темынь! Разве ты не слышишь?

Он мотнул головой, оглядел комнату и резко подался к стене, готовый нырнуть в тень:

— Прямо здесь? Сейчас? Ничего не вижу!

Я вынудил его рассказать о Темыни подробнее. Казалось, нам известно одно и то же, но я ошибся. Никто не знал Темыни в лицо. Чудесные дети, к которым он приходил, чувствовали тяжесть на груди и удушье. Неприятное ощущение, что в комнате присутствовал кто-то чужой, не покидало их с вечера до утра. Потому его визиты чаще принимали за сон, чем за реальность.

— Ты его слышишь, братец, — Чонёль потрепал нечёсанные волосы, — может, потому и видишь? Типа слух становится твоим вторым зрением. — Хотя и назвал про себя его догадки чушью, спорить я не хотел, потому молча пожал плечами. — Я видел что-то, когда вытаскивал тебя из комнаты, но не подумал, что это и есть Темынь. Ты не волнуйся, Лейн, — тенеходец схватился за рюкзак. — Мы этот город мигом отыщем!

Вскоре мы жарились в пустыне. Прыткий Чонёль успел забрать селфи-палку с полотенцем, пока у меня в глазах рябило от яркого солнца.

Мы двинулись дальше.

Я смотрел под ноги, так и не привыкнув к едкому свету. Наши тени плелись за нами, и в голову невольно закрались мысли: как мы выглядели там, в их мире? Ежедневно мы пересекались с множеством предметов, так что наверняка стали чем-то огромным и неуклюжим. С другой стороны, если что-то исчезало, его тень тоже пропадала. Я складывал и вычитал в уме все вещи, которыми когда-либо пользовался и которые вспомнил, но так и не смог представить, что получалось. А тень вообще понимает, что она моя? Знает ли, какой я на вид...

— Смотри! — застыл Чонёль, и я чуть не разбил нос о его затылок.

Вдалеке виднелся город, но в то, что он не мерещится, я поверил, лишь когда мы подошли ближе. В его реальность помогла поверить удушающая вонь. Небольшая крепость была окружена зверобоем, полынью и ещё чем-то, что я не знал. Цветы горели, и дым расплзся на всю округу, кружил голову при первом же вдохе. Нос был готов отвалиться. Чонёль же будто и не слышал запаха, наклонился над пылающими лепестками и провёл по пламени рукой. Его не обожгло.

За трещины на стене цеплялись шипастые вьюнки. В огромных круглых отверстиях, поблёскивая на солнце, крутились серебряные обручи, а в центре медленно вращались янтарные ядра. Странные сооружения шумели так тихо, что даже я едва их улавливал. Зато слышал оханья и визги, бравшиеся невесть откуда. Сколько ни оглядывался, не мог понять, кто и в каком количестве чересчур ошутимо для меня страдает.

— Похоже, он вымер, — сказал я. — Смотри, там торчат разваленные крыши.

— Вот попроберёмся за стену, братец, — заумничал Чонёль, — тогда и будем решать, вымер или нет. Или ты из тех, кто по обложке судит?

Он ступил на поле и отпрыгнул назад, с трудом удержавшись на ногах. Стены зазвенели, но стоило незваному гостю убраться с травы, притихли.

— Нам здесь не пробраться, — предупредил я, заметив новую попытку Чонёля.

— Нам не пробраться, — передразнил он. — Что же тогда?

Мы пошли вдоль поля, заспорив о том, как быть, и спустя какое-то время увидели мужчину. Он сонно поливал полыхающие цветы из шланга, который тянулся из торчащей в стене бочки.

— Совсем он того... — Чонёль покрутил пальцем у виска. — Но люди всё-таки есть, — шепнул он, а потом громко сказал: — Простите, уважаемый! — Садовник поднял голову и недобро на нас глянул. — Где-нибудь здесь есть ворота? Или вы все летаете? — Мужчина его не понял, тогда Чонёль перешёл от слов к языку жестов, который, судя по беспорядочному маханию рук, толком и не знал.

Его усилия принесли плоды. Садовник мотком головы указал направление и потом долго не сводил с нас глаз.

Мы обогнули нехилую часть города, прежде чем отыскали дорогу. Здешние жители вытоптали узкую тропинку от ворот до раскалённого песка. Оно и понятно. Им незачем покидать эти стены, по крайней мере, так часто, чтобы проложить нормальный путь. Если постараться, можно было заметить и тонкую колею от колёс, вероятно, телег по оба края от тропы — что-то ввозили или вывозили из города, опять же редко, чтобы дорога получилась нормальной.

Чонёль на радостях побежал по тропе, но задохнулся на первых же шагах.

— Здесь должен быть другой ход, — заверил он, не поборов до конца приступ притворного кашля. Ей-богу, того и гляди помрёт. — В таких закрытых городах всегда должны быть секретные ходы. Отступления всякие и тому подобное. В кино такое видел. Навостри-ка ушки, братец! Чего-нибудь да и уловишь своим радаром.

— Это так не работает. Если слуховой аппарат снять, я буду слышать всё, — терпеливо объяснил я. — А пока он на мне, никакой шум не беспокоит. Ну, или беспокоит несильно.

— То есть портишь слух этой штукой? Она тебе нужна для этого? — Он сперва тронул рожок, с помощью которого крепился жучок, как бы просто так, из любопытства, а затем вырвал прибор из уха.

От внезапного наплыва звуков в голове помутнело. Я рухнул было на песок, но Чонёль меня удержал.

— Верни, — я потянулся за жучком.

— Успокойся, братец! Да успокойся же! Не отдам! Не отдам, пока не сделаешь, как говорю! Не велика тебе разница — здесь помирать или под лапой Темыни?

Я через силу прислушался. Ветер, сухой и острый. Травы грозно шипят и шелестят. За стеной шаги и голоса. Кто-то разбил то ли кружку, то ли тарелку... Стоп. Отзвуки возни под полем. Объёмные, гулкие. Разносятся точно не по крохотным норкам.

Я присел у места, где они были слышны отчётливее, и разгрёб горячий песок. Под ним оказался люк.

— Полезем? — глянул я с недоверием на тенеходца.

— Ну конечно, полезем. Не зря же искали!

Чонёль очистил его и открыл, кряхтя от напряжения.

Мы спустились в катакомбы по узкой каменной лестнице. Внизу не осталось и следа от духоты. Вонь от трав тоже ослабла.

Чонёль достал фонарик и постучал им по ступеньке. Тот немного помигал и заработал. Не желая блуждать до бесконечности, как он сам заявил, тенеходец выкопал из своих запасов фломастер, нарисовал на стене стрелку, пронумеровал её, и мы побрели вглубь коридоров.

Наши шаги громыхали по подземным лабиринтам, пугая здешних зверьков. Иногда мы останавливались, уверенные в том, что слишком шумим и нас разоблачили. Что неизвестно на что, но тем не менее озлобленные горожане здесь и сейчас нас схватят.

Местами песок просачивался через щели в стенах.

— Вот ведь гадость! — бранился Чонель. — Он мне все тени попортил! Куда идти? Не понимаю! Мы заблудились? Мы же не погрём здесь? — Мне песок не мешал слушать город. Станным было другое — вроде и расстояние небольшое, а шли мы долго. — Если сейчас не выберемся, я начну крушить всё, что попадётся! Это я обещаю могу, — подтянул рюкзак Чонель. — Тяжко-то как! Ух! Уф! Всё здесь разнесу до последнего камушка! Ну, отлично! Куда теперь?

Новый поворот привёл нас к развилке. Шаг направо, и меня чуть не стошнило. Тишина ударила по макушке и на мгновение лишила всяких чувств.

— Не буди лихо... Не буди лихо... — забормотал я.

— Чего? — взвизгнул Чонель. — Услышал чего, братец?

— Туда нам, — пошёл я налево. — И не ори. Мало ли кто здесь бродит, помимо нас.

Безмолвные места таят в себе больше угрозы, чем может показаться. Их беззвучие невольно даёт знак, есть там что-то, притаилось впереди и заставляет всё вокруг быть тихим.

Из глубин коридоров полетел вопль. Он разбивал тишину — она срасталась за ним с завидным рвением, — мчался в спину, и я не заметил, как оказался на земле, когда он нас настиг. Сколько уши не затыкай, стоны, перегоняя друг друга, впивались в голову.

— Что с тобой, братец? — заскакал вокруг меня Чонель.

— Давай выберемся уже отсюда, — выдавил я, когда вопль прекратился. — Отдай, — я протянул руку. Тенеходец вернул жучок и суетливо помог подняться. — Туда. Поскорее.

Мы вылезли в безлюдном переулке. Пришлось разгрести камни. Красные, разного размера, они будто специально были там наложены.

На здании, рядом с которым мы оказались, шаталась старая вывеска.

— Можешь прочитать? — спросил я. Чонель мотнул головой. — Что же такое? Как мы с тобой тогда друг друга понимаем?

— Мы чудесные, — у него на все вопросы был один ответ. — Мы на другом уровне... Уф, дурно мне, — прерывисто задышал Чонель. — Воняет цветочками.

— Если надолго здесь задержимся, точно отравимся, — согласился я.

— Нам долго и не надо, — он поправил рюкзак. — Только пока не найдём способ избавиться от Темыни. Надеюсь, ему будет сложнее попасть в этот город, чем нам. Глянь! Какая красотища! — Чонель резво меня развернул.

Переулок вёл к площади, на противоположной стороне которой белело здание. Его острые крыши протыкали клонившееся к горизонту солнце. К наглухо закрытой двери вела длинная лестница из светлого камня. Она двоилась к основанию, напоминая язык змеи.

— Ого! — загозил Чонель. — Это же... Ничего себе! — Под лестницей, среди грядок с ненавистными нам цветами торчали обгорелые столбы. От каждого ветвился помост, довольно высоко над землёй. «Чтобы лучше было видно», — пронеслось в мыслях, но я не увидел, с помощью чего на них поднимались. — Это ж просто так, — Чонель вытянул шею, разглядывая диковинные конструкции. — И хворост там для виду лежит. Никто никого жечь не будет. Не тот век! Так что отомри уже, братец. Вот бы поближе подобраться! Отсюда тоже смотрится, конечно, здорово! — потряс он меня за плечи. — Но вблизи наверняка лучше.

— Вперёд. Могу привязать к одному из них. — Он успокоился, и я продолжил: — Так что нам делать? Как тут жить? На улицах как бездомные? Зарываясь в мусоре, чтобы не слышать этого дурацкого запаха?

— Наверняка есть гостиный двор или барак. Всё сойдёт, — Чонель скользнул к оживлённой улице. — В любом уважающем себя городке есть место, где можно переночевать.

Мы крались подобно заплутавшим мышам. Как-то раз напугали стаю птиц, и пернатые разлетелись в разные стороны, крича и громко хлопая крыльями. Мы метнулись в первый попавшийся переулок.

— Обожаю вылазки! — схватился за сердце Чонэль. Оно и правда стучало так, что мне в уши отдавало. — Ты чего такой кислый?

— Чем расплачиваться будем, если всё-таки найдём? — не разделил я его восторгов.

Он восхищался всякой ерундой — мрачной аллеей за белым зданием, янтарными трёхголовыми фонарями, серыми домами — поэтому то и дело ему нужно было напоминать, зачем мы сюда пришли.

— Мы чёрт знает где, а тебя деньги волнуют? — Он замахал руками и случайно меня толкнул. Я вылетел из нашего укрытия и чуть не врезался в поток неторопливых горожан. — Оглянись, братец! Город мы отыскали... — Чонэль начал загибать пальцы, когда я снова оказался перед ним. — Как в него попасть, разгадали. Как здесь перебиваться — не такой важный вопрос. Постой-ка! Я попробую... — Он нырнул в тень от дряхлой скамейки. Та предательски скрипнула.

Исчезновения никто не заметил, но всё равно захотелось поколотить тенеходца.

— Проживём! — вернулся Чонэль. — И здесь совсем не страшно. Непонятно только, как это место можно считать убежищем от демонов, если пробраться сюда выеденного яйца не стоит. Даже стражи никакой нет... Постой-ка! Что это у тебя, братец? — он протянул руку, и я увернулся, уверенный, что он хочет выдернуть мой жучок. — Ну, как хочешь! За пределы той крепости выйти не могу, но по городу тени спокойные, по ним ходить можно. Наше жилище там! Давай-давай! Шагай! Восхитишься мной потом.

Постоялый двор выглядел игрушечным — построенным из разного материала, частично сшитый из старых тряпок, с маленькими окнами, перекошенным фасадом и флюгером в виде полумесяца. Заляпанная вывеска на нескольких языках сообщала, что нас здесь не прочь приютить.

Пока я рассматривал дом, Чонэль шатался вокруг. Он насвистывал раздражающие мотивы, но вдруг притих, склонился к лужайке у крыльца и вытащил из травы монетку.

— Вот такие здесь деньги, — сунул он мне под нос неказистую находку. — Не бойся! Сейчас гляну, что это за ценность такая. — Он залез в телефон, но пару секунд спустя запихал его в карман. — Не стоит им пользоваться, — не скрыл досады Чонэль. — Да и связи тут нет... Лучше совсем отключить. Ты тоже свой вырубай! — Он тяжело вздохнул, когда я показал ему телефон — мой был давно выключен и лежал в кармане по привычке. — У Лейна посмотрим. Пошли! Нам пора, иначе ничего не успеем.

Мы добрались до люка и собирались покинуть город, когда я услышал барабаны. Музыка, мягкая и спокойная, рассеяла остальные шумы. Мир местами стёрся, и одна-единственная тонкая серебристая нить из пугливых нот указывала путь к чему-то яркому и красивому, мелькавшему крохотной точкой.

— Ты куда? — схватился за меня Чонэль. — Скорее!

У тайного хода со стороны пустыни, который был тщательно засыпан песком, мы оставили небольшой флажок и помолились, каждый своему богу, чтобы никто его не выдернул.

К нашему появлению Лейн сидел на кровати. У его ног стояла сумка с вещами.

— Не уверен, что моих денег хватит, — пересчитал я наличные в кошельке. Кой-какое сбережение имелось только у меня. Пусть скажут спасибо, что я привык снимать деньги с карточки, а то бы сейчас нам туго пришлось. Причины для этого, правда, не радужные: как-то раз мошенник выманил со счёта мамы n-ную сумму. Тогда мы немного потеряли, но осадок остался. Тенеходец заявил, что может получить без денег всё, что пожелает, у него же есть его дорогие тени. Про Лейна и начинать не стоило. — Мы там не протянем и пары дней.

— У тебя хоть что-нибудь хорошо заканчивается, братец? — простонал Чонэль. — Или гора с плеч сваливается всякий раз, когда говоришь: «О нет! Мы все умрём!»?

— Всегда нужно готовиться к худшему, — сказал я. — Особенно если к этому и идёт.

— Обустроимся под городом, — беспечно пожал он плечами. — Там такие туннели, что нас вовек не найдут. Тебе понравится, Лейн! Обещаю! Мы сами себя не найдём, если увлечёмся.

Я похолодел от ужаса. По тем местам разгуливали буйные вопли, а уж о том, кто их мог издавать, и думать не хотелось. Не успел я слова против сказать, как Чонэль заспорил сам с собой:

— Нет уж! Нет! О чём это я вообще! Я, может, и стерпел бы, но своей Королеве как кроту жить не позволю!

Пока мы говорили, Лейн протопал в комнату родителей и вернулся с банковской карточкой. Всё так же молча, он включил компьютер. Чонэль, понял его раньше меня. Взял карточку и записку с набором цифр, отобрал мои наличные и испарился. Вскоре мы наблюдали приличную сумму на мониторе, а Лейн перевёл её в нужную валюту.

— Мы богаты! — появился за нашими спинами тенеходец. — Уже?

— Вы хотите обокрасть его родителей? — не поверил я своей догадке.

— Эти деньги его отцу дали за то, чтобы он подписал согласие отдать Лейна под опеку какому-то учреждению. — Если бы Чонэль не скрывался под маской, то наверняка можно было бы заметить, как его лицо перекосило. — Отец Лейна втихомолку и подписал. Сейчас его маму уговаривает. Ты наверно не в курсе, но у них тут такая семейная драма — запасайся попкорном! Раз уж так получилось, пусть эти деньги на деле помогут спасти братца Лейна, а не только на словах! И нас в придачу. Ну и хитрец же ты, парень! Выведаль-таки пароль!

— Это не повод...

— Я вообще считаю, что из нас получилась бы неплохая банда, — продолжал он. — С нашими-то способностями и навыками. Да, Лейн?

Тот бледно ухмыльнулся.

— Не получилась бы, — сказал я, но Чонэль уже растворился в тени. — Ты не должен его слушать, Лейн. Он ничему хорошему не научит. Мы придумаем другой способ.

Лейн нахмурился. Советы тенеходца прельщали больше. Возможно, потому что следовать им было легче.

Чонэль вернулся и всучил мне пачку денег.

— Пожалуйста! — заявил он обиженно. — Держи и делай с ними, что считаешь нужным, братец. Если уверен, что нам они нужны меньше, чем отцу, который в любом случае собирается продать своего сына, то оставь их. Кого это волнует!

— Лейн, твой отец делает это из лучших побуждений... — В моём голосе не было уверенности, а пальцы крепче сжимали купюры. — Наверно... Если и не так... Понимаешь, иногда отказаться от чего-то значит уберечь это, — я почесал затылок. Праведная речь не шла. Да и фантазировать на тему «я и моя счастливая семья» желания не было. — Понимаешь? Что-то вроде пока рядом с тобой есть кто-то, кто делает для тебя что-то, ты не особо и стремишься к чему-то...

— Что ты мелешь, братец? — Чонэль провёл ладонью по маске. — Так и скажи, отдают тебя, Лейн, потому что в тебя не верят! Не верят, что твоё рождение — чудо! И отдают, потому что с тобой возни много.

Моей семье не раз писали люди, чьи дети умерли в Ужасную Ночь. В своих письмах они на разных языках плакались, а то и требовали, чтобы — ради справедливости на этом свете — меня тоже не стало. Одно время я читал всё: и почту, и сайты с теориями. «Они — плохое знамение! Они не люди! Аномалия то, что они выжили, а не умерли, как остальные!» рассуждали и те, кто никак не пострадал от Ужасной Ночи и не имел ни малейшего понятия, что

случилось. Их попадалось не много, однако, чем обиднее были слова, тем глубже они впивались в память. В итоге я перестал следить за письмами, да и новостями про Чудо в целом. Думаю, семьи и других чудесных получали обвинения и осуждения. Конечно, были те, кто нас презирал или даже боялся, но вряд ли могло случиться так, что среди них окажется кто-то из наших родителей.

Лейн всё меньше обращал на нас внимание, считая искусственные звёзды, а мои пальцы крепче сжимали драгоценные бумажки.

— Мы потом вернём, — запихнул я деньги в кошелёк. — И тебя тоже! — глянул я на Лейна. — Поняли?

Чонёль встал по стойке смирно, отдал честь и важно кивнул. Его приятель без тени сожаления принялся выключать компьютер.

— Ну что? — тенеходец хлопнул в ладоши и осмотрел комнату. — Всё взяли?

Лейн кивнул на потолок.

— Наверяд ли нам это надо, — сказал я.

— Он без него не уснёт. Будем упиваться его воплями ночами напролёт! Та ещё романтика, скажу тебе!

Светильник был прикручен к полу. Чонёль провозился с ним не меньше часа. За это время мама Лейна успела вернуться с йоги и приготовить ужин. Она то и дело заглядывала в комнату. Пришлось на время снять жучок — уж лучше по своей воле, чем если отнимут — и слушать весь шум, что разрывал мой мозг на части несколько минут спустя. Зато всякий раз, когда я улавливал шаги, направляющиеся к нам, то предупреждал Чонёля, а сам прятался, так что мама не видела никого, кроме своего спокойного, как удав, сына. Я с ужасом отметил, что тенеходец был прав. Мы могли неплохо обманывать людей.

Он наконец разобрался с ночником и запихивал его в сумку Лейна, когда я спросил:

— А что в нём такого? Почему без него не уснуть?

— Сделан на заказ... — Чонёль умолк — в сумке что-то хрустнуло. Он испуганно перерошил содержимое. Слава богу, ночник был цел, но одна из банок с арахисовым маслом треснула. — На нём изображено расположение звёзд в ночь нашего рождения. Думаю, именно поэтому в комнате так уютно. — Я глянул на пустой потолок и вынужден был согласиться. — Нам всем. Лейн, ты на необитаемый остров собрался? Зачем столько жрачки? Эти оставим здесь. Ну, — предупредил Чонёль, застёгивая сумку, — сперва вещи! — Когда все трое стояли на убийственном пекле, он скомандовал: — Мамина радость, несёшь барахло Лейна!

Лейну катакомбы понравились. Он мычал без передышки, тыкая пальцами в каменные плиты стен. Хоть кому-то счастье!

Я предложил выбраться поближе к воротам, чтобы наше появление не выглядело подозрительным. Люди должны были увидеть, что мы не из воздуха возникли, а прошли через испытание вонью и звенящими стенами. Иначе, боюсь, нас бы выловили и подвергли тем пыткам, что изображались в Кошмарнице.

Не с первой попытки, но мы высунулись из-под нужной крышки и благополучно вылезли за бирюзовой колонной, возвышающейся у ворот. Чонёль выскочил вперёд, заверив, что он единственный, кто разведает обстановку и не попадётся. В общем-то, он неплохо справился.

Я надел шляпу и натянул на лицо так, чтобы его трудно было рассмотреть. Затем нацепил солнцезащитные очки и поднял ворот куртки, закрепив за него огромные наушники. До чего же жарко!

— Что с тобой, братец? — проворчал Чонёль.

— Маскируюсь. Если в городе даже краем уха слышали про Чудо, то и о том, кто мы такие, здесь тоже знают. С Лейном что делать будем?

— Он из дому ни разу в жизни не выходил. Его ни разу не печатали в газете и в передачах не показывали. Я ни единой его фоточки не выкладывал. Хотя очень хотелось, — процедил

сквозь зубы Чонель. — Одна его фотография столько бы внимания привлекла! Да что там! — он тяжело выдохнул, будто вся его грудная клетка невероятно болела. — Ладно, проехали! Пускай идёт, как хочет! Не признают.

Я зря надеялся, что мы не привлечём к себе внимания. Скрип чемодана разносился по всему городу. Лейн тоже не желал быть тихоней. Он срывался к камням у люков и норовил набить ими карманы. Когда мы его оттаскивали, он находил новый способ нас помучить: мычал и стонал, недовольный солнечными лучами, при этом срывал капюшон всякий раз, когда я умудрялся натянуть его на кудрявую башку. Пришлось раскрыть над ним зонт.

Горожане останавливались и наблюдали за нами. Сквозь их недоумённый шёпот я услышал барабан. Чьи-то пальцы шуточно стучали по натянутой коже. Перед глазами коброй завилась серебристая нить.

— Ты чего, братец? — потрепал меня по плечу Чонель, и я мотнул головой. — Тогда пойдём скорее! А то от этих взглядов у меня мурашки по спине бегут.

Дорогу нам преградил мужчина. Он что-то спрашивал и хмурил густые брови.

— Мы не понимаем вас... — Чонель принялся выделывать жесты руками.

Лейн подался к нему и зацепился за что-то зонтом, ручку которого я пихнул ему за шиворот. Он повалился на женщину, что ближе прочих зевак стояла к нам. Та подхватила его и вместо благодарности получила вопль. От внезапных криков она побледнела и заторопилась прочь, будто совершила что-то непростительное.

Лейн не смутился и на долю секунды. Он сильно сжал мои пальцы, и я невольно выпустил сумку. Та зазвенела банками. Тем временем Чонель попытался уговорить мычавшего Лейна, оттащил его подальше и раскланялся перед грозным незнакомцем в извинениях.

Мужчина заговорил:

— Не притворяйтесь! Здесь такое не пройдёт. Раз пришли, значит, наслышаны о нас. Вы кто такие? Кто вам о нас рассказал? Думаете, так просто можете ходить по этим улицам?

Чонель невольно выпустил из рук брыкавшегося Лейна и дёрнул меня за рукав. Я лишь отмахнулся, поскольку сам не мог объяснить, что происходило, — мы стали понимать каждое его слово.

Глава 6

— Если вам не нравится, мы уйдём. — Чонэль ретировался к воротам, но нас окружила толпа.

Взгляды у людей были то ли испуганные, то ли гневные — так или иначе, не предвещавшие ничего хорошего. За спиной говорившего мужчины двое крепко прижимали к груди палки.

— Раз вы зашли сюда, то выйти можете с моего разрешения. Я Азиз Захар, — он поднял подбородок. Теперь его огромные чёрные глаза смотрели на нас с пренебрежением. — Моя семья одна из основателей этого города. Пейте! — Он протянул мне склянку и кивнул.

Лейну и тенеходцу подали такие же пузырьки.

— То есть вы здесь главный? — раболепно защебетал Чонэль. Сам он скрючился, будто решил уменьшиться в размерах. — Зачем же вы так строго с нами, великодушный потомок основателей? Разве это не обычный город в пустыне? Прекрасный город, кстати! Очень красивый! И почему пытаетесь нас чем-то опоить? Где же ваша охрана, глубокоуважаемый потомок основателей, раз вы настолько избирательны?

Азиз расхохотался так, что земля задрожала. Или мои колени, не суть.

— Это не обычный город, — заговорил он снисходительно. Кажется, слова Чонэля вдоволь позабавили его. — Сюда не забредают. Вы либо сильно нуждаетесь, либо пришли по чьей-то души. Отвар поможет это понять. — Он откинул назад полу накидки, чтобы она не помешала ему сделать несколько шагов, и я заметил у него на поясе, помимо сумки с полязгивавшими пузырьками, украшенные самоцветами ножны. Из них торчала резная ручка кинжала. — Если вы из первой, ничего не случится, вы сможете уйти или остаться, по вашему желанию. Мы не боимся людей и рады каждому. Стражи у ворот нам ни к чему: демон не человек, от него и защита другая.

— Разве мы похожи на тех, кто хочет вам зла? Потомок основателей, — выразился он со всевозможным почтением, — взгляните на нас. Что опасного мы можем вам сделать?

— Как-то к нам забрёл ребёнок, — Азиз вдруг помрачнел. Люди из-за его спины вышли к нам с тем, что я ошибочно принял за простые палки. В руках они держали черенки, на концах которых были закреплены железные ошейники с гвоздями на внутренней стороне. — Довольно силен был тот демон. Едва не разрушил Измену.

Измена? Так вот как называется этот город.

— Там же травища... — удивился Чонэль в своей обычной манере и осёкся.

— А вы неплохо осведомлены! Значит, не случайные путники. Хотя об этом красноречиво сообщает твоя маска. Не буду просить снять её. Прячь своё лицо, если желаешь. Нам неважно, как ты выглядишь. То, что таится в голове, вещами, вроде этой, не утаишь. Что касается сада за стеной, он помогает отогнать мелких демонов. Они, как саранча, слетаются к Измене. Ненавидят наших загонщиков. Сильный демон с лёгкостью обойдёт преграду из трав. У нас есть капканы покрупнее. Не беспокойтесь, вы не единственные, кто проходит через это. Каждый гость проверяется. Так или иначе.

Лейн бухнулся на дорогу рядом со своей сумкой и закопошился в ней, грохоча банками с арахисовым маслом.

— Что он делает? — Казалось, Азиз вспыхнул, как и его сады, разве что не ради защиты города, а от обычной злости. — Вы смеётесь над моими словами? Потомок основателей для вас шут? — Резким кивком он разрешил использовать шейную ловушку. Только его люди сделали шаг, Лейн вытащил книгу и швырнул её к ногам Азиза. Потомок основателей неуверенно поднял руку, и все замерли в ожидании. — Где вы её взяли? — он бережно поднял Кошмарницу

и, не отрывая от страниц блестящих глаз, начал её листать. С аккуратных рукописных строк покатился шёпот, с нашей же стороны — молчание. — Я спрашиваю, где вы её взяли?!

— У одной старушки, — осмелился ответить я.

— Попалась, — протянул Азиз. — Сколько лет, сколько зим... — Он бросил на нас быстрый взгляд. Наш перепуганный и растерянный вид вроде бы смягчил его, голос зазвучал тише и мелодичнее. — Сбежала из города с книгой. Уверяла, что мы бесполезны и она сама уничтожит всех демонов. А посмотрите, как всё обернулось. Сердце вернулось в наш город! — он поднял Кошмарницу над головой, и толпа радостно загудела.

— Не такое уж и сокровище эта книга, раз вы её не искали! — Я отошёл, насколько мог, подальше от Азиза и горожан, державших палки-ошейники.

— Стыдно признать, мы посылали охотников, но она была лучшей и несмотря на то, что рассудок у неё помутился, помнила все уловки и дурачила нас. — Толпа снова умолкла, когда он заговорил. Кто-то покачал головой тоскливо, кто-то с осуждением. — Книга заговорена, потому демоны сгорают от одного прикосновения! — Азиз протянул её к нам настойчивее и кивком пригласил подойти ближе. Я, затем и Чонэль по очереди прижали ладони к обложке. Пекло так, что я было решил, сейчас запахнет жареным мясом, но Азиз вдруг улыбнулся и убрал книгу. — Оставайтесь здесь сколько пожелаете... Могу я узнать ваши имена?

Я замешкал: навряд ли стоило называть настоящие.

— Крутяшка! — выпалил Чонэль. — И... — он потянулся к Лейну. — И... Капризуля.

— Звоноух, — заинтересовался я своими ботинками.

Азиз Захар нахмурился.

— Ну, а какие имена вы ждали? — Высокие ноты в голосе тенеходца и наигранные жесты обычно раздражали, но не сейчас. Наоборот, подумалось, хорошо, что хоть у одного из нас язык подвешен. — Мы жили на улице. Там никому имён не давали. Вот мы сами себе и придумали, когда маленькими были.

Азиз немного помолчал. Пока он думал, в мыслях у меня успели пронестись тысячи вопросов и сомнений. Как много они знают о жизни за стенами Измены? Может, не нужно было скрывать, кто мы? Вдруг баба Вера была единственной, кто считал чудесных детей опасными?

— Твоя история многое объясняет, — сказал Азиз. Видимо, и не с таким сталкивался. — Так вы здесь из-за книги?

— Мы действительно хотели её вернуть. — Пришла моя очередь продолжить нашу печальную историю. — Та старушка отдала книгу и сказала, что сама больше не в силах её прятать, однако мы на эту роль подходим. Научила нас языку...

— Древний язык *alim inmortu*, — добавил Азиз.

— Да, точно. Так и есть, — соображал я на ходу. — Но какой-то демон захотел её уничтожить и начал охоту за нами. Среди записей мы нашли упоминание об Измене и решили её отыскать. Мы и понятия не имели, что книга краденая. — Горожане оживились, и Азиз жестом приказал всем утихнуть. — Мы не так долго обучались и не очень разбираемся в демонах, — продолжил я. — Кажется, он очень сильный.

— Переживать нечего, — поглаживал он обложку Кошмарницы. — Я pošлю загонщиков, если вы опишете его. Хотя бы примерно. Повадки, привычки, если заметили, тоже сойдут. Может, он забыл о вас, приметив новую цель. Даже сильнейшие из нечисти зачастую, — он стиснул зубы, ища выражение помягче, — туповаты. Или же просто подождите немного. Книги у вас уже нет. От неё сильный запах... Для демонов, — услышал он, как зашмыгал носом тенеходец. — Он, по вашим словам, гнался за ней, значит, вы ему не интересны. Не волнуйтесь! Пройдёмте со мной.

— У нас вещи, потомок основателей, — напомнил Чонэль. Ему не меньше моего хотелось укрыться от встревоженных и полных подозрения взглядов. — Нам бы не помешало найти, где переночевать.

Азиз кивнул в очередной раз, и у нас забрали багаж.

— Вы принесли книгу, потому и удостоены чести увидеть, как её вернут на алтарь. Или для вас это не честь? — с подозрением спросил он. — Ну же! Следуйте за мной!

— Вспыльчивый он, — шепнул Чонель. Я молча кивнул, не найдясь с ответом. — Лучше ему не перечить.

Толпа любопытных горожан не отставала ни на шаг. Их шепотки превращались в жужжание надоедливых насекомых. Чтобы отвлечься, я начал разглядывать руки Лейна. Он махал ими, как мельница лопастями. При усердном старании можно было увидеть, что ожоги на ладонях уже зажили и образовали витиеватые шрамы. Я посмотрел на свои — раны затянулись и у меня, и точно так же оставили свой уродливый след.

Азиз распахнул двустворчатые двери и исчез в полумраке белого храма. Мы застыли на ступенях, но в дверном проёме показался палец с огромным перстнем и поманил нас. Лейн вошёл первым, смелой походкой и с восторженным видом. Непуганый ещё. Посмотрим, каким станет через пару дней и куда хватит духу нос пихнуть.

Святылище было пустым и холодным. На другом конце огромного зала стоял пьедестал, на который Азиз сейчас клал Кошмарницу. Из потолочного окна на него падал свет.

— Вы приросли к порогу? Смелее! Прячь вы свою суть, святылище бы раскрыло её. Сюда приводят нечисть посильнее.

— Прямо девять кругов ада. Вроде мы прошли проверку, а он всё не угомонится, — шепнул Чонель и смело зашагал вперёд. Я своё мужество припрятал до лучших времён и насторожился. К книге потянулись тысячи рук, блёклых и болезненных. Они касались страниц Кошмарницы и исчезали после яркой вспышки. Пение из книги прерывалось и превратилось в неприятное месиво звуков. — Как-то тут... пусто, что ли?

— Раньше здесь рисовали битвы между людьми и демонами, — сказал Азиз Захар. — Но изображения стали исчезать.

— В смысле? — Чонель прижался к побелке щекой, прислушивался, что там, внутри стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.